

Вера Линькова

**Архипелаг бездомных:
«Бомжи».
Кому это выгодно?
(в сокращении)**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда-то в самом начале «перестройки» я увидела в метро у театральной кассы одинокую старуху, сидящую среди тюков и корзин. Казалось, она не знает, куда идти, что делать... Потерянный, выброшенный из жизни человек. Боль сопричастности проколола мое сердце, и родились строки...

ТРАГЕДИЯ ЭСХИЛА

В метро, у театральной кассы,
Мне словно наважденье было:
Среди летящих светлых масок
Сидит трагедия Эсхила.

Сидит на ивовой корзине,
Торчат обломанные прутья...
Сидит и руки, словно сучья,
Во глубину корней сложила.
Одна, немая в многозвучье,
Сидит трагедия Эсхила.

Я все же подошла, спросила:
– Скажите, бабушка, вы кто? –
Лишь крепче губы закусила,
Все так же локоть из пальто.
Мне тень чуть слышно процедила:
– НИКТО...

Как будто век мой оборвался,
Пришло из инобытия:
В метро, у театральной кассы,
На ивовой корзине – Я
На прохожденье обходящих
Торчит мой локоть из пальто.
Какая-то из дам изящных

Спросила:

– Бабушка, Вы кто?

Я на нее глаза скосила,

Я тут же, сразу поняла:

Она-то мне помочь не в силах,

На что ей все мои дела?

А любопытство – мне на что?

И я ответила: – НИКТО!

В метро у театральной кассы

Я – только ЧАСТЬ,

Я – только – ЧАСТНОСТЬ.

Я – тень на праздничном проходе,

И безразлично ты проходишь,

Пока не кончен день прекрасный,

Пока у театральной кассы

ТЕБЯ судьба не пригвоздила

СИДЕТЬ ТРАГЕДИЕЙ ЭСХИЛА.

(из книги «Видения в городе Нищих»)

Сопереживая эту картину, разве я могла себе представить, что написанное в стихах не останется просто образом, что эта участь непосредственно меня коснется... И помимо одной бездомной женщины в метро, я познакомлюсь с сотнями бездомных людей, до которых никому нет дела. Я сама окажусь на улице, а потом в ночлежке...

ЧАСТЬ 1

НОЧЛЕЖКА вместо квартиры

1. ПО ОБРАТНОМУ КРУГУ

...То ли это рождение, то ли смерть. В книге Моуди «Жизнь после жизни» таким же темным был тоннель и таким же пронзительно свистящим напор ветра, уносящего в иное измерение бытия.

Холодно. Безумно холодно и одиноко идти, уже не веря в ту небесную книгу, где записывается и человеческая совесть и неоправданная боль, и каждое движение души, где все твои слезы – это лишь чье-то чужое небо в алмазах. Хрупкая, незащищенная, предчувствуя неотвратимость еще большей беды, еще большей опасности, идешь. Длинная черная юбка уже не говорит о принадлежности к богеме, о трагически-загадочном образе поэтессы. Как случайное семечко, занес тебя ветер на эту планету, бросил посреди пустого круга с одной лишь сумочкой через плечо и желанием спрятаться от этого мира. Спрятаться. Найти убежище, норку, уголок. Забиться там. Пусть будет голодно, но хотя бы тепло... Хотя бы ночлежка. Пусть так. Это лучше, чем стеснять своим присутствием и без того сложно живущих подруг со своими сложно взрослеющими детьми...

Ирина говорила, что нужно написать заявление в милицию, добиться справки, что ты не можешь проживать по месту прописки, и только тогда примут в социальную гостиницу, ночлежку для бездомных людей.

За троллейбусным кругом, где когда-то от «Сокола» можно было спокойно уехать в «Крылатское», где были твои подруги, откуда с твоим участием начинался знаменитый московский «Репетитор», где... где так много всего начиналось, так вот за этим троллейбусным кругом по милицейскому двору носился октябрьский ветер и все высокое сужалось до дверного проема, в который надо войти.

Сначала никого нельзя было допроситься хотя бы посмотреть на квартирные документы. Лишь после зафиксированного заявления два участковых пригласили на круг сесть в их машину. Садись и вдруг начинаешь понимать, что если тебя сейчас куда-то завезут, то вообще никто и никогда не узнает, куда ты исчезла. Начинаешь понимать, что владелец твоей квартиры – приятель этого самого начальника ОВД, что все твои хождения по инстанциям – это лишь дополнительный заработок для инстанций. Тебе не помогут, будешь надоедать – уберут. Мошенники – это уважаемые люди, потому что ОНИ, именно они помогают мальчикам-с пальчиком на местах и девочкам-Дюймовочкам в чиновничьих платьицах брать в свои

маленькие ладошки большие дивиденды на жизнь. И с этими маленькими ладошками не сравнится никакая величина души, никакая мера таланта и человечности.

Тепло милицейской машины и холод под лопатками. Такое чувство, будто сотни ледяных копий летели по октябрьскому ветру и вдруг вонзились в тебя. Мгновенно понимаешь, что нельзя жаловаться. Надо только прикидываться дурочкой и объяснять свое заявление одним лишь желанием попасть в ночлежку. Твой лепет должен выглядеть убедительно. В него должны поверить.

Уже в опорном пункте два участковых рассматривают документы.

Здесь нет состава преступления, – говорит один с очень красивыми выразительно-карими глазами, – это всего лишь невыполнение договорных обязательств. Ну, просто у людей нет сейчас денег, видимо, и вот они не могут купить Вам квартиру...

Конечно, конечно, – глуповато улыбаюсь. – Я знаю, они хорошие люди, купят со временем. Просто мне очень холодно. Подруга сказала, чтобы попасть в ночлежку, надо заявление в милицию написать. Я только поэтому заявление написала, чтобы в ночлежку попасть... А совсем не для того, чтобы уголовное на них заводить...

Слава Богу, пусть без справки, но ушла. Справка придет в ночлежку лишь спустя месяц. Суть ее будет такой, что В. Л. не может проживать по месту прописки, потому как квартира является чужой собственностью. Об этом потом даже «Московский комсомолец» напишет, потрясенный неслыханным событием – пресс-конференцией «бомжей» в святой святых масса-медиа – Доме Журналистов. Но об этом позже.

2. ПЛАТФОРМА «ПЕРЕРВА»

...Никогда не думала, что в Москве есть такое фантастически страшное место. Длинный-длинный мост через железнодорожное полотно. С одной стороны – мужской монастырь и женская тюрьма, с другой – ДНП «Люблино». Странный церковный купол на пятиэтажном здании. Внизу – пустующие мастерские, а сверху – бездействующая церковь. Весьма нездоровые фантазии архитектуры. Железный забор. Собаки. Колючей проволоки не хватает и часового на вышке с автоматом. Официально считается, что заведение это для тех, кто вышел из мест лишения свободы и по такому случаю лишился жилья. На самом деле, большинство проживающих здесь – коренные москвичи, ставшие жертвами квартирных аферистов, Ну, к аферистам относятся с уважением, потому как они всегда при деньгах и со связями, а вот пострадавшие от них люди тут же переходят в разряд отверженных. Эдакая презренная каста – «бомжи». И все равно, кем ты был до того момента, как тебя обманули с квартирой: учите-

лем, директором, воспитателем, писателем, художником, работягой – не важно. Общество тут же навешивает ярлык: "Бомжи пропили свои квартиры". Вряд ли кто захочет представить себя на месте человека, который из своей уютной квартиры попадает в такое странное подобие зоны и приюта одновременно.

Конечно, для тех, кто измучился долгими скитаниями, все здесь в радость. Взять, к примеру, бабу Зою. Я сразу обратила на нее внимание, когда вошла в эту большую комнату с двенадцатью двухъярусными кроватями. Баба Зоя забиралась на свой второй ярус, потом натягивала на себя одеяло и блаженно крестилась. За 8 лет уличной жизни с мордобоями и скитанием по помойкам она лишилась глаза. Теперь, все, что здесь, казалось ей раем. Тепло, бесплатные талончики на питание.

– Дочка, а ты писательница? – обратилась она ко мне сверху.

– Писательница – это в прошлой жизни, – буркнула со своего места лисичка-Катерина с головой, похожей на охапку желто-красных осенних листьев. – Придя сюда, все становятся одинаковыми – «бомжи». Прошлой жизни нет.

– А ты мне сможешь объяснительную для собеса написать? – не обращая вниманья на бурчанье Катерины, продолжила баба Зоя. – Сколько стараюсь, не могу все коротко описать, как нас с дочкой мошенники с разменом обманули.

– Конечно, помогу, – успокаиваю бабушку Зою. – Завтра же и напишем.

Бабушка Зоя опять крестится и засыпает.

Внизу под ней укладывается спать тетя Лида. Тетя Лида работает где-то дворником. В ночлежку приходит, как в дом родной. Уже много лет приходит, с тех пор как квартирные аферисты обманули ее с разменом. Спокойная, аккуратная, очень добрая женщина. Такая в любом доме, в любой семье к месту бы пришлась и в качестве няни, и в качестве домработницы, но кто ж ее без прописки возьмет...

Некоторых обитательниц 202 комнаты я уже знала раньше, когда приходила в ДНП с предложением организовать театр и жить... Но меня наоборот не брали, потому что с пропиской. Лишь благодаря ходатайству из Госдумы и тупой справки из милиции поселили. На первом занятии по театру, еще не живя здесь, познакомилась с Татьяной М.. Проигрывали ее ситуацию. Как в негодовании она ударила ножом своего мужа, а потом 12 лет отсидела за убийство. Татьяна считалась самым крутым аборигеном всего ДНП. Как раз после занятий она и пригласила меня в свою 202-ую. Яичница с колбасой, кофе, бутерброд с маслом. Голодная и уставшая, я принимала тот царский ужин с радостью и надеждой, что сумею здесь не только выжить, но и поднять дух людей, сумею проводить настоящую работу. Знакомым потом хвасталась, как бомжи кормят меня, как тепло встречают. Тогда я даже не представляла, каким адом станет для меня 202-ая. И еще потом пойму, что людям здесь не нужны ни

театры, ни лекции, ни что-то еще. Они живут одной мыслью – мыслью о своих собственных квартирах. Почти все – коренные москвичи. И поэтому, когда они вспоминают о своих квартирах, звучит вся география Москвы: «А у нас на Причистинке», «А у нас на Таганке», «А у нас на Тверской»...

Татьяна крутая спала на нижней койке, подо мной. Первое время она держалась на высоте, следила за порядком, за дисциплиной в комнате, давала интервью для моей передачи на радио. Ее культурная и пылкая речь, грамотный язык, забота об уличных собаках – все это очень располагало и вызывало даже симпатию. Она ничем не напоминала убийцу. Это был период, когда Татьяна не пила и остатки хорошего еще играли в ней, создавая иллюзию, что женщина может пройти 12 лет тюрьмы, потом, выйдя на свободу, оказаться в ночлежке и все равно остаться человеком...

Из бывших заключенных в 202-ой их было всего двое. Татьяна и Людмила. Людмила – спортсменка. Велосипедный спорт. В общей сложности отсидела 6 лет. По всяким мелочам. Также удивляет культурный язык, знание музыки, литературы, театра. Что-то где-то украдала... Вряд ли она украдала столько, сколько мои квартирные аферисты, которые вряд ли когда-нибудь лишатся свободы...

Я многого не понимала и в том, как складываются отношения в комнате, и в том, почему Татьяна, начав дружить со мной, переключилась на Людмилу, покупая ей одежду, подарки... Почему по ночам они сидят, обнявшись там, внизу... Две женщины после тюрьмы...

Еще были в той комнате тетя Тоня, представлявшая себя артисткой Раневской, и молодая детдомовская Таня «металлистка». Таня слегка заикалась, но принадлежала к разряду отчаянных девчонок. Тетя Тоня ее всегда защищала. У самой тети Тони сын сидел в тюрьме за употребление наркотиков, и всех молодых ей было жалко. Она все время рассказывала про сына. Нет, не поправляйте меня, что за употребление наркотиков в тюрьму не сажают. Не сажают тех, кто, действительно, ими торгует. Больных, кто употребляет, сажают. И особенно хорошо сажают и заводят уголовное дело и подставляют под суд, когда надо отнять квартиру...

И еще в нашей комнате была одна Татьяна, тоже обращающая на себя внимание интеллигентной культурной речью. Беспомощность и злоба как-то странно сочетались в ней. Хотя, что здесь странного. Бывшему директору училища, привыкшей к почету и уважению, теперь, после неудачного размена квартиры, пришлось жить в ночлежке и работать на заводе... Лет пять Татьяна нанимала самых разных юристов и адвокатов, чтобы доказать свою правоту в суде, но мошенников никто к ответственности не привлекал. Потеряв всякую надежду на справедливость, потеряв все сбережения, Татьяна принялась пить...

Самой удивительной оказалась встреча с моим телевизионным прошлым. Она мыла лестничные ступеньки, я курила. Мы вдруг встретились глазами...

– Мы знакомы. Не помнишь? Ты приносила к нам сценарии передач...

– Наташа?

«Спокойной ночи, малыши!» на ЦТ. Я много лет была там внештатным автором. Наташа – режиссером. Штатным. Теперь, после размена квартиры, Наташа собирала кое-какие вещи и продукты, чтобы отнести к сыну, на тот чердак, где он ночует. Иногда он заглядывает тайком к матери, она тайком кормит его. Особенно в морозные дни. Кто-то помогает ее сыну принять душ и посидеть в тепле ночлежки прежде, чем отправиться на чердак, а кто-то успешно доносит о том, что к Наташке опять сын пришел, и время тепла внезапно заканчивается...

...На последней койке у двери плачет симпатичная женщина лет 45-ти. Три года длилась ее любовь с парнем с верхнего этажа. И вдруг – разрыв. Она все еще не понимала, что парень вовсе не любил ее, ему просто на эти годы мама была нужна. Заботливая, щедрая мама...

Так начинался в ночлежке мой декабрь 2001-го года. Того года, когда вместо двухкомнатной квартиры в Москве и машины мне досталось койко-место в ночлежке, пока народ не потянулся к началу празднования Нового года.

3. ПРЕДНОВОГОДНИЙ ШАБАШ

...Иллюзии спокойствия и тепла стали быстро разрушаться. Уже не говорю про оскорбительную систему, где каждый вечер надо отмечаться на вахте, показывать свой листочек с временной регистрацией, говорить, что ты номер 20. Номера давались по номеру койки. То есть, получалось, что человек и койка – как бы одно и то же... Я научилась говорить номер металлическим тоном, ненавидя всех дежурных. Еще ненавидела дежурных милиционеров, которые всякий раз обыскивали мою сумку, всякий раз наталкивались на мои книги, я объясняла им, что писатель, что это мои книги. Но они не понимали, что такое писатель. Для них всякий входящий – «бомж». В их понимании всякий «бомж» должен пытаться пронести водку. Они эту водку должны отобрать, а потом, в зависимости от ситуации, продать ее тем же бомжам попозже и подороже... Или выпить самим... То, что я никогда не проносила водки, их раздражало. Один раз молодой наглый в упор спросил: «А где водка?» Сказала, что пью только «мартини» и только в хороших ресторанах. Перебрал мои детские книги и, глядя стеклянными глазами, опять спросил: «А почему водки нет?»

Раз в неделю надо отмечаться у фельдшера. Унизительная процедура. В твоей голове роются в поисках вшей. Опять объясняю, что я не жила на улице, что меня обманули с квартирой, что я писатель. Меня не слышат: «Ничего, чистенькая. Иди...»

За целую неделю я никак не могла отоварить талончики. Когда приезжал «буфет», огромное количество одноногих, одноруких, хромых, кривых и прочих больных со всех этажей выползло в буфетный коридор. Все занимали друг другу очередь. Перед моим носом буфетная дверь закрывалась. И изнутри того торжественного места с эстакадой консервных банок доносилось: «Все. Буфет закрыт». И я опять оставалась голодной...

Театр. Театр. Как-то надо его делать. Но делать невозможно было нигде и никак. Тогда я выходила на лестничную клетку, садилась в курилке на скамеечку и разговаривала со всеми, кому нужно было выговориться. Бесконечные истории квартирных обманов, человеческие трагедии, крушение всех надежд и – никакой помощи от государства. Единственная помощь – вот это режимное предприятие у платформы – «Перерва». Никакие юристы не станут заниматься твоими квартирными вопросами. Ты непроизвольно начнешь сживатьься с предоставленным тебе дном. Непроизвольно станет коверкаться психика. Ты будешь привыкать к своему состоянию беспомощности, отверженности... Но я чувствовала, что все равно найду способ, как начать действовать.

В 202-ой за столом начиналась «тайная вечеря». Два стола соединились в один. Зазвенели не отобранные на вахте бутылки.

– Между ног пронесла! – хвасталась тетя Тоня. – Он ищет, мол, где? А я руки показываю – нет нигде: Садись с нами, сказочница!

– Здесь не пью.

– Это сначала все «здесь не пьют», а потом только и делают, что пьют. Больше здесь делать нечего...

– Садись, чего, как не своя! У нас рабочая неделя закончилась, пора праздник отмечать...

Не хотелось мне с ними что-либо отмечать. И своей становиться не хотелось... Пошла в курилку на свою привычную скамейку...

Они пили всю ночь и весь следующий день. Между короткими пересыпами кто-то опять собирался за бутылками, пролезал под воротами, передавал «коня» через туалет...

Я писала пьесу «На дне Луны». На своей скамейке в курилке. Разговаривала со всеми, кто подходил, и опять продолжала пьесу.

Пьесу «Доза любви» о подростках-наркоманах, решивших под Рождество всей компанией уйти из жизни, уже закончила, и в молодежной церкви «Парадигма» ассоциации духовного возрождения уже приступили к репетиции.

Ночью в туалете писала свою передачу на радио «Поверженные короли». Потом захотелось спать. Забралась на верхний ярус и только закрыла глаза, как услышала ошалевший от перепоя угрожающий голос Татьяны, как я ее обозвала про себя «баклажановый нос», бывшей директрисы училища.

– Девки, а чего это там, в углу чужая? Она засланная к нам! Давайте скинем ее в окно!

Толпа перепивших дам, следуя призыву «баклажанового носа», кинулась к моему ложу. В тот момент, когда они собрались стаскивать матрац, я применила все свои актерские способности и перевела коллективную ярость запойной толпы в громкий смех.

«Баклажановый нос» не унималась. Среди ночи она опять стала что-то шипеть, науськивая на меня дам. Тогда я выдала все свои знания русского мата со всеми соответствующими интонациями и выражением. На пару минут воцарилась полная тишина. И ошалевший голос «баклажанового носа» из тьмы: «Ничего себе сказочница!»

Я стала слезать со своего верхнего яруса, чтобы уйти от конфликта, уйти из комнаты совсем. Я уже ненавидела эту комнату, в которой никак невозможно спать. Стала спускаться вниз, а баба Зоя и тетя Лида с ужасом воскликнули:

– Деточка, не надо! Не бей их!

В тускло освещенном туалете стояла «Ночная бабочка». Полоумная хулиганка из соседней комнаты, чемпион по самым грязным и сногшибательным выходкам. Кого-то облила кипятком, в кого-то кинула нож... Скучая, «Ночная бабочка» курила у зеркала. Почему-то ей захотелось загасить сигарету об мою руку. Раз. Второй. Ни слова не говоря, я схватила ее обожженной рукой за горло, опрокинула на спинку стула и стала молча сжимать пальцы. Ее глаза выкатились, руки повисли, стул самостоятельно поехал по кафельному полу, а я никак не могла разжать свои пальцы, сцепившиеся на ее щупленосом омерзительно-курином горле. К счастью, из душа выскочила Людмила. Я разжала пальцы и спокойно ушла. Забравшись на свой верхний ярус, с ужасом прокручивала ситуацию. Как же можно довести человека до состояния неистовства. Меня трясло. Казалось, что всего минута отделяла меня от этой зоны до настоящей тюрьмы. Любой человек непредсказуем, если его довести...

Нет, надо было где-то выспаться, куда-то уехать или хотя бы с кем-то поговорить. С кем-то из реального мира живых.

Живые люди. Так они выглядят, когда волею обстоятельств собраны в одном месте. Никто не учитывал их взгляды, интересы, возраст. Просто собрали в кучу, как собирают в банку колорадских жуков... И пусть они томятся в замкнутом пространстве. Никого не волнует их боль, их жизнь, превращенная в воспоминания ТАМ и медленную пытку ЗДЕСЬ.

Вот ты, нормальный человек, представь, что всякий раз, когдаходишь в свою квартиру, тебя обыскивает милиция: не несешь ли спиртное? Нет ли от тебя запаха спиртного? И не

важно, какое у тебя состояние души: хочется отдохнуть, расслабиться, гости, день рождения... Права на собственное настроение у тебя уже нет.

Представь себе, что в свою квартиру ты можешь попасть только до 11 вечера. Не попадешь вовремя – гуляй до утра, броди по улицам, пережди ночь...

Представь себе, что приходишь с работы домой, а там полно самого разного народу, и ты себе не хозяин, и постоянно кто-то делает тебе замечания, пытаюсь унижить... И нет такого угла, где можно забиться и побыть одному...

Представь, что все это произошло внезапно. Еще вчера ты шел к себе домой и вдруг – оказался НИГДЕ...

4. ВОЗДУШНАЯ КУКУРУЗА

Вышли белые сны за ворота,
Утонули в пространстве воды...
Что ни шаг, то – болота, болота
И воздушные горы беды.

...Конечно, я все выдержу, все преодолю. Свет всегда пробивает себе дорогу...

С легкой завистью смотрю, как Галина Яковлевна работает на компьютере. У меня тоже был свой компьютер, и свои сайты в Интернете, и своя рассылка «Письма в облака незнакомому любимому человеку» и «Сказки на каждый день». Каждый день я садилась к экрану и сочиняла специально сказку. Сказку для невидимого человека. Сказку, с кусочком легкого настроения, импульсом удивительного и чудесного. А потом писала письмо незнакомому, любимому, в облака – Письмо в облака... И 400 тысяч подписчиков рассылки получали мои письма...

Галина Яковлевна казалась мне очень важной. Она была в штате сотрудников ночлежки. Она садилась к компьютеру, обрабатывала какую-то информацию о проживающих, делала им фотографии на свидетельства о регистрации и от всех входящих требовала дисциплины. Я даже не думала, что вскоре подружусь с ней, и что мы вместе станем работать. Меня больше привлекал Игорь Иванович, сидящий в этом же кабинете и тоже за компьютером. Он мне казался человеком куда более творческим, общительным, ну и, конечно, глубоким в своих познаниях тайны бытия.

Первые впечатления всегда обманчивы.

Проще всего было входить в кабинет заведующей ночлежки Анны Ивановны. Царственно красивая и легкая в общенье. На пьяниц кричала от души, сердца не жалея, будто все они – ее провинившиеся дети.

Я же, со своими книжками и по арт-педагогике и просто поэтическими книжками, и своим умением зажигать людей – пока ничего здесь не значила...

Вот только пьеса «На дне Луны» никак не заканчивалась. Она приобретала все новые и новые эпизоды, как повседневность жизни здесь.

Возвращаясь на свою скамейку в курилке, стала писать песню к спектаклю.

Мы живем на бронзовой Луне.
Лунный ветер – все больней и тише.
Кто еще судьбу тебе надышит
Выдолбами в бронзовой спине?
Где сорвется взломанная птица,
Унося в когтях свою Луну?
Небо – бесполезная тряпица...
Вытру им лицо – потом сомну...

Галина Яковлевна поднималась по ступеням. Она возвращалась из суда и была вся какая-то воодушевленная.

Представляешь, – говорит, – почти 2 года дело стояло на месте. А потом судья сказала: «Как можно вести суд без документов?» – и дала указания своему секретарю, чтобы собрала все недостающие справки. А то ничего не спрашивали. Было одно предписание и все. Ну, подумала, что наконец-то дело сдвинется. А то все годы заседание откладывалось, та сторона не являлась. В этот раз явились все, кроме представителей обманувшей нас фирмы...

...После того, как в издательстве «Мир», где Галя работала заведующей отделом, началось сокращение, она, не долго думая, занялась предпринимательством. Про ее семью всегда можно было сказать – красивые, уверенные в себе люди. Уже год, как все вместе работали они с воздушной кукурузой. Своя квартира, дача, машина. Все есть. Тогда, в 94-ом, они и в страшном сне представить не могли, что станут бездомными...

Все началось с большого аппарата по изготовлению воздушной кукурузы. Дела шли очень хорошо, и Галя решила, что пора расширять производство. На одной из фирм им предложили аппарат, с помощью которого кукурузы производилось больше, и она была сладкой. Взяли в лизинг. И договор-то с фирмой заключили нормальный. Полгода пользоваться аппа-

ратом, а потом нужно было оплатить его стоимость или вернуть аппарат и неустойку оплатить.

Зависть. Сколько бед причиняла она успешным людям. Вот и Галиной семье позавидовали. Когда директор магазина, где работала преуспевающая семья, увидел, что уж слишком хорошо идут дела, а с новым аппаратом еще лучше пойдут, взял и отказал в аренде.

– Нам стало негде работать. Мы бы расплатились, если б не отказали в аренде. Хотя договор заключали на год, а проработали всего месяц. Работать с аппаратом стало негде, и мы решили вернуть его и отдать неустойку, как было в договоре. На фирме сказали: «Нет, нам аппарат не нужен, нам нужны деньги». И начали угрожать: «Если не вернете деньги, то помимо денежных обязательств есть еще и физическое воздействие». Стали пугать карцером. Рассказывали с издевочкой, как один из их товарищей сам побывал в карцере... 5 амбалов здоровых, пиджачок отворачивают, а там у каждого по пушке. А у меня внучка новорожденная. Что делать? Где искать защиты?

Продали квартиру, отдали им все деньги и аппарат. Семья в пять человек оказалась на улице. И на этом наши беды не закончились. Нам продолжали угрожать, чтобы не вздумали, куда в прокуратуру жаловаться или в суд подавать...

Несовершенство законов. Кажется, просто слова, если с этим несовершенством сам не столкнешься... Но несовершенство – оно везде, и везде в пользу тех, кто наживается и грабит.

– Брат собрался помочь моей семье и стал покупать квартиру, – рассказывает Галина, – в кредит. Выплатил 12 тысяч долларов. По договору, заключенному с фирмой, за своевременную неуплату взноса каждый день последующей оплаты идет с процентом. Брат не успел вовремя внести взнос, и никаких потом «с процентом». Сразу расторгли договор, и 12 тысяч долларов пропали, а с ними и наша надежда обрести крышу над головой.

Но я никогда не падала духом и никогда не сдавалась. Одна из лидирующих партий накануне выборов решила облагодетельствовать нуждающихся квартирами. Надо было только вступить в эту партию и заплатить первый взнос 1 тысячу долларов. У меня опять появилась надежда. Вступила. Заплатила. А потом оказалось, что их человек, который деньги с людей собирал, вместе с этими деньгами исчез куда-то, и теперь нам надо по новой платить взносы на квартиру... Собрать снова такую сумму я уже не могла. Да и гарантии не было, что и другой человек не исчезнет с квартирными деньгами...

Все. Выпотрошили до копейки. Ни сил, ни денег. Я вместе с сыном и мужем пошла жить в ночлежку. Дочь с ребенком взяли родственники. С нами жить она не имела права, потому как здесь с несовершеннолетними детьми нельзя... Сын стал пить. А я по-прежнему пытаюсь хоть что-то сделать. Хоть как-то изменить к лучшему нашу жизнь...

Вот такую злую шутку сыграла с нашей зажиточной, прочно стоящей на ногах семьей – воздушная кукуруза.

В качестве послесловия можно сказать, что суд, которому обрадовалась было Галина, так больше и не состоялся.

5. ДАМА В ШЛЯПЕ С ПОЛЯМИ.

...Такой я ее первый раз увидела и такой запомнила. Наташа Гранковская. Она сидела в кабинете Анны Ивановны, вся утонченная, изящная: Черная шляпа с полями. Черный плащ. На лице – аристократическая бледность. Ее речь была болезненно-спокойной. Сбивчивый рассказ о том, как ее двенадцатилетняя дочь написала письмо президенту Путину. После всего случившегося девочка не знала, как спасти себя и маму. И наивным умом ребенка она подумала, что если самый главный человек в стране – президент, то он и поможет наказать бандитов, которые на ее глазах убивали маму, а потом ей самой «откручивали» голову. Как потом их выбросили умирать на улицу... Ей все случившееся казалось чудовищным.

И девочка думала, что откроет президенту страшную правду. Правду о том, как бандиты уничтожают людей и забирают их квартиры.

Ее худенькая мама... Это было куда страшнее, чем в фильмах ужасов... Ее хрупкую маму повалили на пол и стали пинать ногами. В нее втыкали нож. По лицу мамы бежали струйки крови, одежда намокала бурыми пятнами... Все это на глазах у девочки. А потом уже обезумевшей от боли матери показывали, что будет с ее дочерью, как ей открутят голову.

Тогда она поняла, что в жизни, совсем не так, как в книгах и в кино. Что в жизни на крики о помощи не прибегают соседи, не останавливаются у окон прохожие и не вызывают милицию.

Девочка поняла, что в этой жизни нет законов, защищающих человека. Особенно тогда их нет, когда сильные отбирают квартиру у слабых. Она думала, что президент страны обо всем этом не знает, и поэтому написала письмо...

Наташа с дочерью приехала в Москву по просьбе престарелых родственников. Это были близкие родственники. Даже девичья фамилия Наташи была та же, что и у них. Родственники были тяжело больны, и ухаживать за ними было некому. Долгое время за ними ухаживала Наташа со своей маленькой дочкой. В благодарность на Наташу переписали квартиру. Когда старики ушли из жизни, квартира стала законной собственностью Наташи и ее дочери. Там они были прописаны. Там жили. Правда, спокойно жить не давали, потому что теперь объ-

вились другие претенденты на жилплощадь. Помогать больным старикам было некому. А когда освободилась квартира, то на нее нашлось много желающих. Наташу стали третировать. Не выдержав нервного напряжения, она попала в больницу и пролежала там месяц. Когда вышла из больницы, то, оказалось, что и она, и ее дочь уже выписаны из квартиры, а сама квартира является теперь чужой собственностью...

Ей даже документы не вернули. Ни у дочери, ни у нее нет никаких свидетельств о том, что они вообще живые люди. На то, чтобы их восстанавливать, посылать запросы, у нее нет уже ни здоровья, ни сил.

Дочь думала, что мама сама ничего не делает, чтобы восстановить справедливость, вернуть квартиру, как-то помочь себе и ей.

Но, сходяв вместе с мамой в Комитет Социальной Защиты, поняла, что ошибается. Там ясно дали понять, что мама своими хождениями уже всем надоела, что никто не будет им помогать – ни посылать запросы, ни восстанавливать документы.

– Это людоедская страна, – сказала девочка, уводя маму из того места, где людям должны помогать. – Здесь ненавидят детей... Почему я не могу жить в приюте вместе с тобой? Кто придумал такие законы, что нас должны разлучать, что я не имею права жить вместе с мамой? Только людоеды могли придумать такое...

Наверно, в чем-то она была права. Ведь ни президент страны, ни Комитет Соцзащиты не стали защищать ни ее, ни ее маму.

...Аристократическая бледность в лице. Черная шляпа с полями. Черный плащ. И пока она будет просить о помощи в гостинице для бездомных, девочка будет ждать за воротами, потому что детям сюда нельзя. Несовершеннолетнюю дочь не имеют права поселить вместе с матерью. Да и чем она докажет, что она вообще мамина дочь? Чем докажет, что она вообще живет на свете, что у нее есть имя и фамилия, что по ее жилам течет настоящая кровь, а внутри ее тела бьется живое сердце. Что сердце больно сжимается от беспомощности мамы и несправедливости вокруг.

Сердцу больно, а маленькому телу холодно оттого, что ветер, оттого, что снег. Оттого что в этом огромном бесприютном городе им с мамой вместе некуда войти...

Наташа Гранковская уже год живет в ДНП «Люблино», но до сих пор она и ее дочь без документов. Причина?

Свидетельство о рождении девочки надо брать в Белоруссии, свидетельство о браке тоже надо брать в Белоруссии, потому что именно там она выходила замуж и именно там родилась ее дочка. Ну, как можно выехать из Москвы без денег и без документов? Как можно получить справку, что у тебя нет справки? Этими вопросами как раз и должно было заниматься

руководство ДНП «Люблино», потому что это их первейшая задача. Но заместитель директора Валентина Борисовна, которая непосредственно занимается этими вопросами, так и не нашла ни времени, ни желания помочь восстановить документы. Итак, прошел год, хотя вопрос с документами можно было решить в течение одного-двух месяцев. А без документов Наташу никто не желает слушать. Ее выставляют за двери во всех чиновничьих инстанциях.

И вот уже разжалованная из сотрудниц в разряд обычных проживающих Галина Яковлевна не выдержала мучений Наташи и пришла в кабинет Валентины Борисовны просить за Наташу. Галина-то знала, что отослать запросы в разные инстанции – это дело пяти минут. По старой памяти она даже подготовила эти запросы, чтобы не утруждать слишком занятую Валентину Борисовну.

Протянув подготовленные ею запросы, она сказала:

– Валентина Борисовна, я Вас очень прошу, помогите, пожалуйста, Наташе с дочкой. Я вас очень прошу. Я Вам все подготовила.

Раздражению Валентины Борисовны не было предела. Она стала кричать:

– Какое Вы имеете право давать мне задание? – и обратилась к своему помощнику:

– Миша, Вы посмотрите, она мне на трех страницах написала!

На что такой же бездомный, но уже успевший охаметь Миша ответил:

– Ха-ха-ха.

Так и вышла из кабинета Галина, осмеянная специалистами по соц. работе.

Бездушие – пожалуй, самая заразная болезнь. Если прежде, увидев больного и слабого, увидев человека в беде, общество поднималось в его защиту, пыталось спасти, помочь, теперь же, увидев слабейшего человека, окружающие думают, что еще можно у него отнять...

Интересно, как выглядел чиновник, сочиняющий правила, по которым мать и ребенок, лишившиеся квартиры, уже не могут жить вместе? Ночлежки – только для взрослых. Приюты и детские дома – только для детей.

Наверное, этот человек никогда не был рожден матерью. Его просто создали на каком-нибудь механическом заводе и запрограммировали создавать такие же механические законы. Вместо мозгов у него – переплетение электрических проводов, а вместо сердца какой-нибудь турбогенератор в миниатюре.

Именно такой чиновник-робот допустил самую возможность бездушия во всех инстанциях. Куда приходит человек, лишившийся квартиры? В свою районную милицию. Что должна делать милиция? Вести его. Временно куда-то определить, куда-то направить, пока идет расследование. Принять участие в его судьбе, чтобы не опустился до улицы, не помер под забо-

ром. Иначе, зачем участковый? Следить за порядком? А разве это порядок, когда на его участке кто-то не чистый на руку завладел квартирой подопечного гражданина?

Почему в такой ситуации попавшего в беду гражданина уже никто больше не контролирует? Право на свободную смерть? Или все поголовно ушли в коммерцию?

6. ЕВТЯ-ДИМОН

Это уже не из области несчастных. Это из области тех, кто ловко обманывает, грабит, отбирает квартиры. По нашим законам, оказывается, совсем не нужно иметь лицензию для того, чтобы заниматься разменами квартир. Таких, как Димон, приветливо встречают чиновники квартирных дел. Ведь за какой-нибудь справочкой, подписью, разрешением он приходит не с пустыми руками...

Сама ездила с ним. Сама видела.

Димон – главный сценарист по выкидыванию меня и моей дочери из престижной квартиры на «Соколе».

Анна Ивановна, конечно, не догадывалась, что за мой хороший знакомый спрашивает, как проехать к ночлежке, где я нахожусь.

– Вера, – с радостью сообщила она, – сейчас в 9 вечера к тебе Дмитрий придет. Я объяснила ему, как проехать.

– Анна Ивановна... – вздохнула я. – Разговаривать с ним буду только в Вашем присутствии.

– А что так?

– Он и есть главный из тех, кто обманул меня с квартирой...

Где я нахожусь, Димон узнал хитростью. Его брат Леха Евтя, заполучивший всю нашу трехкомнатную квартиру на «Соколе», а взамен предоставивший мне подставную квартиру их общего друга Сергея, стал разыскивать меня через бывшего мужа. Мол, Димон готов с Верой рассчитаться. Бывший поверил и сказал, где меня искать.

На самом деле, рассчитаться – это не означало выполнить договорные обязательства. Это означало – вообще избавить меня от самой жизни. Лехины деньги, которые он выманил у брата, чтобы со мной и моей дочерью все «устроить», Димон, видимо, давно истратил, да вдобавок еще оставался должен своему другу Сергею, чью квартиру они мне подставили в ходе размена через фирму, а потом хитростью ее же себе и вернули вместе с другом.

Внешне Димон напоминал борова. Весьма упитанный конопатый тип с толстой шеей. 10 лет занимается квартирными обманами. Это его единственные средства к безбедному существованию вместе с семьей.

Димон хвастался, как доверяют ему одинокие старики, инвалиды и вообще люди с проблемами. Он помогает им, а они оформляют на него доверенности по квартирным делам. Неприятный внешне Димон, раскатывающий то на «Джипе», то на «Мерсе», на практике прошел школу мошеннического обаяния. Он без особого труда умел показаться добрым таким и опытным профессионалом, который может и грамотно разменять квартиру и свою выгоду с этого поймать. Умеет найти подход к любому чиновнику от законодательной системы...

Войдя в кабинет Анны Ивановны, Димон стал требовать, чтобы мы с ним поговорили наедине. То есть, чтобы я вышла на улицу и села в машину. Наткнувшись на мое сопротивление, он стал орать и угрожать прямо в кабинете:

– Жалуйся в любой суд! Никакие суды тебе не помогут! У нас все схвачено! Ты меня подставила с Рубопом. Этот рубоповец до сих пор меня доит, уже не только по твоим, но и по другим делам...

Дела у него, видимо, шли не очень хорошо, и он рассчитывал, что сможет и дальше, используя мою доверчивость, обманывать меня с какими-нибудь промежуточно-разменными вариантами, чтобы, в конце концов, я выписалась с «Сокола». А если не соглашусь и начну заниматься судами, то попросту надо будет показать кому-нибудь из своих «должников», по какой дороге я хожу...

В бешенстве он вылетел на улицу, сел в свой «Мерс». И кто еще и зачем был в том «Мерсе», я не знаю. Но, подав заявление в прокуратуру, по улицам я стала ходить осторожно...

Я наивно последовала совету в справочнике для бездомных, что когда мошенники обманут тебя с квартирой, надо обращаться в прокуратуру.

7. ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА

...Скорей всего это прозвище подходило не к самой Катерине, а к ее родной сестре, обманувшей Катерину с квартирой.

На скамейке в курилке Катерина, отложив в сторону швабру с тряпкой, рассказывала мне про свою жизнь.

Жила она в интеллигентной семье, в трехкомнатной квартире на Тверской. Сестра ее вышла замуж за искусствоведа и жила отдельно. Сама Катерина имела высшее музыкальное образование, работала в консерватории. Жила она хорошо, в почете, уважении, и ничто в ее жизни не предвещало беды.

Потом мама умерла. Катерина всю свою любовь стала отдавать кошкам. Вместе с ней в квартире жили семь пушистых красавиц.

Как-то совсем неожиданно к ней наведалься участковый.

– Видите ли, – сказал он хозяйке, – заявление тут на Вас поступило от соседей. Антисанитария у Вас, животных развели... Жильцам все это мешает...

– Кому мешает? – удивилась Катерина. – Вроде никто из соседей никогда не жаловался.

– Оказывается, мешает, – строгим тоном сказал участковый. – Смотрите. Будут еще жалобы, придется серьезно с вами разобраться...

Когда страж порядка покинул ее жилище, Катерина лишь недоуменно пожала плечами:

– Кому мешают кошки? Кто мог пожаловаться?

Перебрала в уме всех соседей. Вроде, жаловаться некому... Что за недоразумение...?

Тогда ей и в голову не пришло, что визит участкового – это всего лишь начало предстоящих бед.

Следующей неожиданностью стала повестка в психдиспансер.

– Видите ли, – сказала ей врач-психиатр, – жалоба на вас поступила от соседей. Вы конфликтуете все время с жильцами, нервничаете, кричите. Надо бы Вам обследоваться, полежать в больнице...

– Да что Вы? – удивилась Катерина. – Я абсолютно спокойна. И ни во дворе, ни в подъезде еще ни разу ни с кем не поругалась. И зачем мне в больницу? Это просто недоразумение какое-то...

Недоразумения стали повторяться все чаще. Вскоре участковый пришел не один, а еще с двумя милиционерами:

– Где своих собутыльников прячете? – спросил участковый.

– Каких собутыльников? – не поняла Катерина. – Я вообще не пью...

– А как же, жалоба на Вас. Ведете аморальный образ жизни. Постоянно пьянки, скандалы, драки. Мешаете спокойствию жильцов...

– Да нет у меня ни скандалов, ни пьянок, ни драк. Ни бутылок, ни беспорядка нет.

Милиции в самом деле не к чему было придраться... Потом был визит из санэпидемстанции:

– У Вас тут антисанитария, блохи от животных, тараканы от грязи... Вот, пришли травить.

– Нет у меня ни блох, ни тараканов, ни грязи... – сказала Катерина, показав квартиру и выпроводив санобработчиков.

Потом пришла повестка из кожно-венерического диспансера... Ясно было, что хозяйку трехкомнатной квартиры и семи кошек кто-то упорно пытается вывести из терпения. Вот только зачем? После всей череды нападков, Катерине позвонила сестра:

– Давай мамину квартиру разменяем! Все-таки квартира нам обеим принадлежит.

– Но ведь у вас с мужем есть хорошая квартира. И дача... Зачем разменивать? – недоумевала Катерина.

– Нет, – возразила сестра. – Муж строит новую кирпичную дачу, и нам не хватает денег. Так что квартиру продадим. Деньги разделим поровну, и ты на свою долю купишь то, что тебе надо.

Катерина упиралась. Но визиты участкового участились, как участились и повестки то в психдиспансер, то в кожно-венерический... А потом все чаще стал приезжать с визитами муж сестры. Культурный, интеллигентный человек клялся и божился, что на Катину сумму от продажи квартиры он сам лично поможет ей купить квартиру, и любой обман здесь исключен.

Наконец-то Катерина поверила и согласилась. Вскоре квартира была продана, а ее часть денег к ней так и не возвращалась. Сестра всякий раз уходила от разговора, муж сестры кормил обещаниями. Вконец измучившись, Катерина все-таки решительно потребовала от сестры свою сумму... Та дала ей телефон, куда надо сначала позвонить, а потом поехать и получить деньги.

Она поехала. Но получила не деньги, а проломленный череп. На той квартире ее встретили крутые ребята. Избив до полусмерти и, видимо, посчитав за труп, ее отвезли куда-то, налили водки в рот и выбросили в кусты.

– Левый глаз почти не видит, а правый еле-еле что-то различает, – жалуется Катерина, берясь за швабру с тряпкой. – Жду вот операции. Может, тогда зрение улучшится. А с квартирой – глухой номер. Так все запутали, что я же еще и виноватой оказалась. Сестра не случайно дурное мнение обо мне старалась складывать, подговаривала милицию, подругу в психдиспансере и прочее...

В общем, по сведениям милиции, получалось так, что я свою часть денег от проданной квартиры пропила, прогуляла, в итоге мои же дружки и избивали меня до полусмерти. И попробуй обратное докажи!..

8. БУФЕТ

Буфет – это особая, почти основная часть жизни в ночлежке. Заведующую буфетом звали тетя Женя. Маленькая хрупкая женщина с ясными голубыми глазами. В тот вечер своей первой и крупной ссоры с буфетом я и представить себе не могла, что в скором времени подружусь с тетей Женей. Что это вполне милый, душевный человек. Добрая и чуткая Евгения Наумовна достаточно много настрадалась в жизни и конечно, в обстановке, где на ее долю выпадала слишком большая нагрузка, нервы просто не выдерживали.

Тогда же, отстояв длинную унизительную очередь за «провиантом» и наконец-то войдя в эту сытную комнату с консервными банками на полках и особыми деликатесами «для своих», я нарвалась на конфликт. Протянула талончики. На прилавок выгружались какие-то банки. Я подумала, что это мне, оказалось, что не мне.

– Куда гребешь?! – нервным тоном сказал кто-то из тети Жениных помощников.

– Да пошли вы все! – в тон ответила я, собираясь уже окончательно исчезать из опустыленной ночлежки.

– Я не буду отпускать! – закричала тетя Женя.

– Да пошла ты на хрен! – растоптав все свое предыдущее терпение, выругалась я, швырнула на прилавок талончики и потопала в свою комнату собирать вещи. Слава Богу, собирать особо было нечего: юбка, кофта да несколько своих книг.

В коридоре стоял крик:

– Все! Буфет закрываю, никого отпускать не буду!

Какая-то мужиковатая женщина из гостиничного корпуса пришла на меня орать:

– Да я тебе за тетю Женю...

Мне было плевать, что она орет. Я даже головы не повернула в ее сторону. Примчалась дежурная снизу:

– Тебя в тот корпус Валентина Борисовна зовет.

Валентина Борисовна – это заместитель директора всего ДНП.

– Пусть зовет... – ответила я безразлично. – Если на разборку по поводу буфета, то я не пойду.

Дежурная поднялась и во второй и в третий раз:

– Может, не из-за буфета, может, по другому вопросу...

Пакет я уже успела собрать и, как говорится, с вещами на выход. По пути и к Валентине Борисовне зашла. Вся буфетная команда уже заполонила кабинет и с воинствующим видом приготовилась к расправе.

Когда все хором стали кричать, подтверждая факт того, как я нахамила тете Жене, я опять послала всех подальше и спокойно вышла за ворота. Я была уверена, что никогда больше в эти ворота не войду.

На Варшавку. На электричку. К своим старым друзьям Любочке и Саньке в Подмоскowie. Санька – скульптор и поэт, Любочка – его жена. Люди, живущие только своим творческим миром.

У касс носом к носу столкнулись с директором ночлежки, он подхватил мой пакет, и вместе мы понеслись на электричку. Константин Михайлович ехал домой по той же дороге в Подмоскowie. С нормальным человеком и поговорить можно было нормально. На буфетные события он никак не прореагировал. Мол, всяко бывает. И даже пригласил на предстоящее в Питере совещание по вопросам бездомных людей...

В общем, так начался мой переходный период от ночлежки к социальной гостинице. Два дома в одном дворе. Два таких разных дома...

У стены, облепленной ракушками,
Стоят люди.
Странно стоят. Странно смотрят
Сломанными глазами...

Люди пришли провожать в невесомое
Ветер.
Люди пришли отпускать в невесомое
Человека
С полным лицом улыбок.

* * *

Кто организовал такую подачу пищи? Почему только за физиологическую потребность в еде человек должен терпеть унижения? Унижение – при отоваривании талончиков. Унижение – при длинном выстаивании в очереди. Унижение, когда надо получить талоны на питание, когда надо зайти к паспортистке, когда надо получить постельное белье или чистящие средства. На каждом шагу – унижения! Так выглядит помощь государства людям, которых оно или не защитило или попросту само же и ограбило. «Раздающие» это бесплатное право на еду, на постель, на проживание служители ночлежки делают это с таким видом, будто отрывают от собственного сердца, вынимают из собственного кармана.

Хорошая забота у государства: отнять у человека кров и наградить талончиком на еду с бесплатным койко-местом.

А зачем ему это бесплатное? Только на первое время, пока человек сам не может сориентироваться, что и как ему делать. Задача соцзащиты – помочь сориентироваться, а не поверкать психику, не унижать!

ДОБРОЕ СЛОВО

... Роль культурных и образованных людей со стороны сотрудников очень важна для проживающих. Подхожу к паспортистке Софье Павловне, а она визгливо-брезгливым голосом орет:

– Не подходите близко! Отойдите от стола!

Те же слова я слышала и в поликлинике, когда проходила медкомиссию. На краешке направления было написано: «бомж». Врач также визгливо – брезгливым голосом закричала:

– Не подходите к столу!

Человек начинает тушеваться, испытывать чувство своей неполноценности.

Но кому какое дело до того, что чувствует человек...

ЯВЛЕНИЕ МИНИСТРЕЛЯ

Вдруг откуда-то донеслись красивые звуки гитары. Они так не вязались со всей здешней обстановкой. С верхних этажей полились задушевные стройные голоса:

– «Выведу я в поле коня»...

– Ребята, как у вас все хорошо получается. Давайте подумаем вместе, как будем создавать театр.

Они спустились вниз. Слава, симпатичный парень лет 27. Он с потрясающей точностью исполнял весь репертуар группы "Ария". Разговаривать с ним было интересно, потому что все происходящее он воспринимал утонченно, а его мысль имела определенную глубину.

– Театр – это, конечно, заманчиво, – сказал он, – но Вы еще не понимаете, что в условиях жизни здесь театр – это нереально.

– Почему, не реально? – удивилась я. – Ведь и здесь живут такие же люди. Искусство приподняло бы их над повседневностью. Чувствовать себя не просто бездомным, чувствовать себя актером! Это выше всего, что вокруг...

– Опять не понимаете. Человек с творческой душой не выдержит постоянной несвободы.. Нет, я не против помогать вам в создании театра, пока вы сами не убедитесь, что играть пьесу окажется не с кем...

– Почему?

– Потому что эти понукания, окрики, бесконечные замечания. То нельзя, это нельзя. Отмечаться, проверяться, возвращаться не позже одиннадцати... Выгонять выпивших. За пьянку вообще выписывать. Да просто издевательский режим. Люди потеряли квартиры. Не важно, мошенники человека обманули или он в тюрьме «пятнашку» отсидел и вот на «свободу» вырвался. Ни кола ни двора, душит чувство несправедливости. И чтоб ещё не пить! Нас заставляют на завод идти работать. Да легче убить, чем заставить.... Кочегарка в котельной с приятелем Цыганом на пару. Тихо, Уютная печь. Угля в печь набросаешь, выпьешь, поговоришь по душам...

– Но ведь от нас зависит, как мы себя поставим. Научим их уважать нас за то, что ставим спектакль, за то, что мы – это Театр. Докажем, что и мы имеем право оставаться личностями, творческими людьми.

– Наивно все, – улыбнулся Слава, присаживаясь на краешек скамейки. – Перед кем мы себя поставим? Перед здешней администрацией, которая не только не поймет и не оценит ни актера, ни поэта, ни музыканта, а наоборот, поспешит избавиться от неординарной личности. Талантливая личность для них, как кость в горле. Это принижает их административную значимость. Ведь они – никто, жалкие люди, почти все без образования... А почему за эту работу держатся? Да потому что только здесь, среди еще более жалких, опускающихся, беспомощных, они могут испытывать чувство самоудовлетворения, ощущать свое превосходство; Отыгаться на слабом! Как это все низко...

– Но ради того, чтобы создать свой театр, можно какое-то время не пить? Можно в конце-концов пожить по принципу экзистенциалистов: «Даже раб в оковах свободен, если в душе он чувствует себя свободным». Ведь ради того, что мы будем делать, можно потерпеть лай дворняжек?..

– Их лай не безобиден. Они подкрадываются исподтишка, больно кусают... Прямо в душу кусают, в сердце... они не выносят тебя, ты не выносишь их. Жить с ними под одной крышей – не реально.

– И все равно стоит попробовать. Нельзя не делать ничего.

Слава играл прямо на лестничной клетке. Потрясающе играл и так же потрясающе красиво пел. И ему подпевали другие. Расселись на лестничных ступенях от второго до последнего этажа. Такой экспромт-театр. Надо было видеть их лица. Они как будто забыли, пусть

на время, но забыли всю подлость и зло этого мира, забыли, как и почему они здесь, в режимном предприятии...

Но администрация не имела права забывать о предписанном режиме. Пьянки и драки в среде потерянных людей – для администрации нормальное явление. Привычное. Песни, гитара, литературные разговоры – это выглядело, как вызов. Поэтому, когда кто-то из собравшихся попросил меня почитать стихи, первые же строчки бесцеремонно оборвала дежурная: – Что за шум на лестничной площадке?..

Возмущенной дежурной и милицейской охране я объяснила, показав объявление на стенде:

Видите, ТЕАТР. Я – руководитель. А репетировать нам негде.

Чтобы в 23.00 разошлись. Нельзя нарушать режим, – сказала дежурная и спустилась на свой пост.

Представьте себе, чтобы режиссеру кто-то указывал в момент вдохновения, что надо прекратить репетицию, а актеров разогнать по комнатам, потому что режим! В чем провинились мы и какое преступление совершили, что теперь должны жить не по своему творческому режиму, а по какому-то вышеуказанному режиму вообще?

– Ну, что чувствуете? – с вызовом спросил Слава. – Человек – не актер, когда он бомж. И тут не до актерского мастерства, когда тебя унижают.

– Слава, надо потерпеть. Без твоей гитары театр вообще невозможен...

ПОСЛЕ ОТБОЯ

Грустная, я вернулась в свою комнату. Режим – понятие поверхностное. Чтобы на лестничной клетке было пусто! Лестничная клетка пуста – значит, порядок. В комнатах же продолжали пить. И в моей 202-ой пьянка была в разгаре. Я попробовала быть свободной по принципу «раба в оковах». Забралась на свои верхние нары, лежу, смотрю, что происходит.

Тетя Тоня, не состоявшаяся Раневская, заводит Людку-велосипедистку, которая только что из тюрьмы освободилась. Какие-то обидные, подковыристые словечки. Наконец, Людка не выдерживает, спрыгивает сверху, хватая тетю Тоню за горло и бьет головой об стену. Раз, другой, третий:

– С. С... Убью!

Тетя Тоня после каждого удара успевает еще какую-нибудь словесную занозу вставить:

– А твоя дочь...

– Ну, падла!

И опять головой об стену. Они всегда так. В начале пьянки душу изливают друг другу, рассказывают, у кого что случилось, делятся наболевшим... В конце пьянки каждый успеет приложить друг друга и, уже используя, полученную информацию, довести человека тем сокровенным, что ему только что доверили.

У Людмилы, действительно, была проблема с дочерьми. Отбыв наказание в тюрьме, Людмила ни к одной из них не смогла пойти жить и оказалась в ночлежке.

У тети Тони сын в тюрьме за наркотики, квартиру отняли. И странно было смотреть на этих несчастных людей, которые пытаются несчастьями добивать друг друга... Физически Людмила была посильнее и помоложе тети Тони. Ещё немного, и взбалмошная голова тети Тони с ее занозистым языком вполне могла расколоться о стену. Все остальные спокойно смотрели на происходящее.

Мне бы тоже не обращать внимания. Но тогда я сама нарушу все человеческие принципы. Нельзя быть равнодушным, когда кого-то добивают.

Разняла Людмилу с тетей Тоней. Трясущаяся от негодования Людмила забралась наверх. Но тетя Тоня опять умудрилась подколоть...

Людка снова бросилась вниз. В это время подросла детдомовская Татьяна. Татьяна – парнеобразная, угловатая девушка, довольно крепкая и сильная. Ей что-то не понравилось в Людке. Она повалила ее на пол, села сверху и стала душить. Людка начинала быстро слабеть и задыхаться. Тут очухалась Татьяна крутая, которая отсидела 15 лет в тюрьме за убийство. Очухалась, пошла за администрацией. Вскоре в комнате были и дежурная, и милиция, и фельдшер. Людке залатали нос...

В КОЧЕГАРКЕ

На следующий день ко мне подошел Цыган:

– Вера, надо со Славой переговорить. Он сейчас в кочегарке. Твоя помощь нужна.

Вместе с Цыганом пошли в кочегарку. Тоже какое-то предприятие, с высокими воротами, собаками. На проходной Цыган сказал дежурному вахтеру:

– Это наш руководитель театра. Надо со Славкой поговорить. Вахтер согласно кивнул головой, и мы прошли. В кочегарке – одна большая печь в углу, гора угля. Воробьи в туче копоти и сажи летают под потолком. Угольная собака у порога грызет кость. Топчан с засаленными сажей одеялами. Столик.

Перемазанный, похожий на чертенка певец и гитарист бросал лопатой уголь в топку.

– Что случилось, Слав?

– Поговори с Анной Ивановной. Меня выписывают за то, что еще медкомиссию не прошел.

– А что мешает пройти?

– Собраться не получается. Всего два врача осталось. Не могу переносить, как эти врачи орут по всякому поводу: «Бомжей не принимаем!»

– Хорошо. Поговорю, а завтра вместе в поликлинику сходим... Потом мы втроем пили чай, читали стихи, говорили о поэзии, музыке, о том, каким будет наш театр. В грязной кочегарке почему-то было спокойнее и уютней...

Наверное, потому что она была ВНЕ ЗОНЫ.

Вне зоны всегда иначе ощущается воздух. И даже если воздух этот из копоти и сажи, дышать им все равно легче.

ДО АЛЕКСАНДРОВСКОГО САДА

К Анне Ивановне мы пришли вместе со Славой. Она отчитала его по полной программе, но дала шанс.

В поликлинике я помогла ему пройти рентген. Это кажется удивительным нормальному человеку: ну, что сложного – медкомиссию пройти?! Слава же, при виде очередей терялся, как ребенок, и сам ничего не мог понять и тем более сделать. Творческому человеку все, что касается обычных жизненных вещей, кажется ужасным.

Вот вышел какой-то хирург и громогласно на весь коридор произнес: – Бомжей не принимаем!

Нашел, чем удивить...

Я быстро пропихнула Славу в какую-то очередь, откуда его только что выгнали. Сказала важным тоном:

Медосмотр!

И ворчащие замолчали.

В поликлинике он попросил меня съездить с ним в его район за выпиской из домовой книги.

Я не смогла поехать, вернее, не захотела. Должен же человек хоть что-то сам делать...

Вернулся он только через неделю. Весь опухший, сильно избитый.

И сколько я потом ни пыталась помочь этому очень талантливому певцу и музыканту, в итоге его все равно выписали из ночлежки. И все равно настал тот вечер, когда он в последний раз заглянул в нашу комнату.

– Не переживай, – сказал он, пожав на прощание руку. – По мне лучше холодная и грязная свобода, чем эта богадельная тюрьма.

– А как ты теперь будешь?

– Как и раньше. Петь в подземных переходах, тусоваться с такими же, как я сам. Театр твой – все равно нереально. Посмотри, скольких из тех, кого ты записывала в актеры, уже выгнали?

– Семерых...

– И дальше то же будет. Ты будешь проводить репетиции, тратить силы, а твои актеры будут вылетать за нарушение режима. По режиму актер может жить только в тюрьме. А когда есть выбор... Свобода важнее!

И он ушел, повернув на затылок козырек бейсболки и перекинув гитару через плечо.

В ночь, в ветер. Просто ушел.

– Захочешь пообщаться, ищи меня в подземке, где-нибудь в районе Александровского сада!..

СТАРИКИ БОБРОВЫ

Не все рассуждают так, как Слава. Молодым, полным здоровья и сил людям, конечно, лучше попытаться заново начинать жизнь на вольной воле. Для стариков Бобровых ДНП – это и дом родной и вся оставшаяся жизнь. Наташа дорожит этой жизнью. Держится за свою работу уборщицы и готова кланяться всем и каждому за то, что на старости лет они с мужем здесь, а не на улице.

Домыв коридор, она подошла ко мне, виновато улыбаясь:

– Вы не думайте, что если я полы мою, то я человек, далекий от культуры.

– А с чего ты взяла, Наташа, что я так думаю?

– Обычно все так считают, что если человек взялся за швабру и тряпку, то он и не человек уже. Уборщица, да и только.

Худенькая, стройная, в плотно облегающем черном платье, она совсем не походила на уборщицу. В ее внешности было что-то возвышенное и притягательное. Обаятельная улыбка, манера говорить, всегда заранее извиняющаяся.

– Вера, зайди в нашу комнату. Так хочется с тобой поговорить... Не побрезгуешь? Нет, ты не смотри, что я такая. Это сейчас, а прежде я ведь тоже в других кругах общалась. С Беллой Ахмадулиной была знакома. Она к Дине Терещенко приходила, а я у Дины в гувернантках работала. Ты знаешь Дину Терещенко?...

Да, как-то я была на ее творческом вечере в Доме Литераторов. Не смотря на свой весьма почтенный возраст, Дина выглядела изящной, модной, красивой. Она читала рукопись своей прозы...

...В маленькой уютной комнатке, где Наташа жила вместе со своим мужем Николаем, было все скромно и спокойно.

Из-под кипы газет на столе она достала фотографию симпатичной девушки.

– Это моя дочь. Ее сбросили с 11-ого этажа. Голова была отдельно... Ей было только 17 лет... Мы с моим мужем Николаем попали в цыганское рабство. Я не могу обо всем этом говорить. Так у нас отбирали квартиру... Они били нас топором. Потом, решив, что мы мертвые, выкинули на улицу. Но мы очнулись и буквально доползли до этого дома. И я благодарна всем, что здесь живу. И что нас здесь жалеют... А я ведь много знаю, много умею. Ты не смотри, что я полы мою. Я ведь и стол умею сервировать по высшему разряду, любые банкеты, фуршеты... Знаю, где какая ложечка должна лежать, какая вилочка... Рюмочки, фужеры, знаю. И готовить умею вкусно. А знаешь, как мы с Колей моим познакомились? Он тогда красивым был из образованной семьи. А меня в парикмахерской нашел. Я девчонкой там работала... Это сейчас мы состарились, а тогда какая у нас жизнь была!..

Тут дверь открылась, и вошел старичок с оспинками на лице. В этом лице сквозь опухлость и лиловость еще можно было угадать следы былой красоты и счастливой жизни.

– Это мой Коля...

Иногда человеку бывает просто необходимо, чтобы кто-то его выслушал, понял, почувствовал судьбе. Для этого и нужен здесь квалифицированный психолог. И не один.

– Ну, вот, – сказала она, почувствовав, что я собираюсь уходить.

– Я с тобой, как с Богом, поговорила... На душе полегчало сразу. Ты заходи еще...

Не будем стоять в позе страуса и прелестно шевелить перьями, запрятав голову в песок. Сопричастность каждого к судьбе каждого – таким должен быть основной нравственный закон общества. Иначе неровен час, как голова выберется из чьего-нибудь помета и увидит свои собственные перья, похожие на перья водоплавающих, случайно оказавшихся рядом с потерпевшим крушение нефтяным танкером.

И тогда вы захотите узнать, где, кто и как вообще помогает выброшенному за борт социума человеку.

Нет, призванных – много. Но делающих – мизер. И не каждому повезет напасть на участливого человека, который все-таки поможет выкарабкаться из беды.

Везде на вас будут смотреть, как на преступника. Если у вас что-то отняли, тем более, жилье – значит, вы преступили Закон Джунглей! Ведь другие живут по этому закону и в меру своих возможностей – ИМЕЮТ! А вы не смогли. Сами виноваты, отвечайте!

Лозунг зоны «Не верь, не бойся, не проси!» должен, как пепел Клааса, стучать в ваше сердце. Забыли? Поверили? Попросили? Испугались? – Ну, так, знайте, где живете!

Вот вам на 40 человек одна уборная! Плита в четыре конфорки, не всегда действующая! Окрики на этажах. Оформляйте регистрацию! Пользуйтесь благами щедрого государства! Получайте талончики! Живите в свое удовольствие и ни в чем себе не отказывайте!

Зачем вам блага цивилизации за железным забором? Законы соцзащиты уже оградили от жизни в обществе! Радуйтесь!

Творчества захотели? Так, может, вам еще и розетки в комнаты провести? И компьютеры поставить?

ЗАРИСОВКИ В МИНОРЕ

Бывали моменты, когда обо всех, кто тебе дорог, хотелось написать что-то трогательное. В один из мартовских вечеров, когда в кабинете Анны Ивановны установили компьютер, и все куда-то ушли, я обрадовалась тишине и написала эти зарисовки.

ДЕНЬ ХРУСТАЛЬНОЙ ВАЗЫ

... Голубая ваза с оленем. Ранняя зелень в окне... Глядя на лица много переживших людей, я порой догадывалась, что лицо человека всю жизнь носит впечатление какого-то одного события. Впечатления самого большого потрясения. Будто сгустившееся время встряхнуло человека, вулканом перевернуло, пережгло и осталось, как незримая оболочка застывшей лавы.

Аннушка. Для всех Анна Ивановна, заведующая ДНП – первый человек, который встретил меня в приюте. Оставленная квартирными мошенниками без всего, оказавшись в зонной системе, я немела от нахлынувшего чувства ужаса. Что будет со мной, что будет с моей дочерью, которая где-то болтается бесприютно. Больная, под судом. Сценарий моих квартирных мошенников оказался столь совершенным, что по всем расчетам мое сердце не должно было выдержать случившегося. Аннушка. Именно она помогла мне достойно выстоять, пережить все то, что казалось из области невероятного. Двухэтажные койки, запойные

женщины после зоны... И сама мысль: меня ограбили, и мне же условия зоны, а те, кто ограбили, все также носятся на своих «Мерседесах...» – слишком несправедливо!

Вечерами я приходила в ее уют, и мы говорили. Мягкая мебель, телевизор... Аннушка живет там же, где и работает. Круглые сутки на работе...

Так вот, событие, оставшееся на ее лице. Оно из области воспоминаний. И оно есть основная черта, прорезавшая жизнь...

Полдень. Это еще в Актюбинске. Аннушка собирает букет в вазу. Вдруг ваза выскальзывает из рук и разлетается на мелкие осколки. Кровь. А из залы крик сына:

– Мама! Мама! Анна Ивановна!

Она кинулась в залу. Нет, она понимала, что этого не может быть, что сын сейчас далеко, в Ейске, но крик был слишком отчаянным и явным.

Потом она узнает, что именно в это время умер ее Андрюша. Узнает уже ночью и кинется через всю эту невозможность пути. В полном безмолвии пустой поезд с бесконечностью пустых вагонов... Потом будет его гроб на улице под абрикосами.

– Он так просил меня приехать во время, когда созревают абрикосы. А я говорила: «Вот приеду, поставлю раскладушку прямо под абрикосами и буду спать на улице всю ночь...»

А вместо этого... Спелые абрикосы падали на его гроб. Падали, разбивались... Андрюшке было всего 26 лет. Странно, но его убило солнце... В жаркий полдень, в тот момент, когда из ее рук выскользнула ваза, и голос сына позвал ее, как раз в тот самый момент, находясь где-то далеко, он сделал несколько шагов на работу, помахал рукой друзьям и упал замертво...

Это великое недоумение как бы остановилось в ней... Ваза, голос сына, абрикосы на гроб... А за два года до этого мужа похоронила... Солнце. Даже оно бывает жестоким. 18 апреля у Аннушки случилось второе рождение, после клинической смерти...

Сердце, почему оно так безудержно болит, безудержно болит за людей, как и за свою собственную внезапно осиротевшую жизнь... Наверное, потому, что ее сердце не умеет при жизни оставаться холодным...

ДОМ СРЕДИ ТРАВЫ И НЕБА...

... Галя рассматривает фотографию своей дачи. Сочная зеленая лужайка. Маленький дачный домик. А небо – по-детски голубое...

– Так хочется жить здесь, – вздыхает Галя среди кроватей своей опустевшей комнаты.– С внученькой моей, с Кристиной жить... Ведь когда нас оставили без жилья, Кристина только на свет появилась.

А сейчас ей уже 9 лет. Она такая умненькая, но нервная почему-то. Я за нее переживаю...

Потом она смотрит на еще две пустые кровати и опять не находит себе места:

– Где сейчас Виктор? Как ты думаешь, он жив? Муж поехал за ним и тоже никаких известий... Места себе не нахожу. Пьют, наверно...

Галя – человек крепкого характера. Муж и сын не пережили трагедии с бизнесом, запили... А она мужественно несет на себе проблему всей семьи. Маленькая, хрупкая... Кажется, дунь – разлетится, как одуванчик по ветру... Но стержень человечности, сила духа отличают ее от многих, кто безвременно сдается, кто опускает руки...

– Так хочется сейчас собрать сумки, помчаться на поиски сына. Туда, на дачу... Но я не поеду. От всех бед не огражу мужиков, и как бы не повредить им своей заботой...

А вот с Кристиной она бы поехала на ту зеленую лужайку, в тот дачный домик под детско-голубым небом.

... Жизнь, как игрушечный волчок: закрутит вихрь неосознанного движения, поведет за собой замороженные глаза, а потом внезапно затормозит, остановит где-то посреди разорванного небытия, и живи, как не хочешь, и куда не хочешь – иди...

ОБЛАКО НА РЕЛЬСАХ

... Боль похожа на пушистого котенка. Пушистого и огромного, как случайно сорвавшееся с неба облако. Вот оно легло на всем пространстве между моим приютом и стенами женской тюрьмы напротив...

Вдруг за теми стенами окажется моя дочь?... Мы будем странно рядом. Странно и в высшей степени весны несправедливо... Все получается по сценарию монстров, завладевших нашей квартирой. Моя девочка понесет наказание всего лишь за желание поспешить на помощь, за умение сострадать и верить... Против Них никто не возбудит уголовного дела. Они откупятся нашими же деньгами. Их сценарий достоин больших долларов. Мой сценарий достоин всего лишь слез...

Когда-то моя маленькая Настя писала маслом дивные фантастические картины. В них всегда жили разноцветные облака, и на тонких стебельках из земли росли крошечные дома. Она играла на пианино, сочиняя свою чудесную музыку и по ходу придумывая песенку:

Скоро, мой маленький Месяц,
Ты закончишь работу.
Скоро, мой маленький Заяц,
Мы побежим к самолету.
Сядем мы в белое кресло,
Укроемся маминой шалью.
Ах, как вверху интересно -/
И облака не мешают/

Что знала она о жизни и о небе, в котором облака превращаются в тучи? Наивная сказочница-мама открывала ей глаза только на светлое и чудесное в дивном мире. Мама не подготовила ее к реальности, потому что сама об этой реальности не имела ни малейшего представления...

Сорвавшееся с неба облако ворочается на рельсах. В голове сцены из спектакля нашей жизни. Настоящего спектакля. Моя Настюшка не слышала этого потрясающего мюзикла на стихи из ее поэмы «В рабстве белого короля». Она не видела, как девочки из молодежной церкви «Парадигма» играют на сцене ее судьбу... Я плакала все полтора часа, пока шел спектакль. Я сама написала этот сценарий со стихами ее боли, ее жизни. Такой маленькой жизни, но уже такой насыщенной предательством «друзей», подлостью всех, кто прикидывается добрыми, прежде чем начнут убивать...

Доченька, я больше не могу тебе помогать. Я больше не могу, прости...

Приют – тюрьма – монастырь... Один Бог знает, как ты не виновата ни в чем... И еще пушистый котенок упавшего на купола облака... знает. И еще ветер в ранних березовых сережках... И кто-то, кто-то еще... Наверно, большой и сильный великан, который не нашел к нам дороги, не пришел, не спас...

ЧЕРНАЯ ЮБКА и БЕЛАЯ ПАУЗА

– Танюшка! Танюшка... – окликаю тихо мою новую соседку по комнате в гостинице, – посмотри, какую мне юбку на лестнице придарили!

Она вскидывает глаза и – слезы. Из огромных васильковых глаз – слезы. Я растерянно смотрю на подоконник с цветами, на эти бегонии по стенам, на длинную шелковую юбку, на Танюшку, и ничего не могу понять...

Откуда-то возникла эта белая пауза, словно высоченный бугор, покрытый снегом... Там, за окнами, за железным забором – собаки. И во дворе – собаки. Безумство злобных разборок между теми, у кого есть право на сытный кусок двора, и между теми, у кого есть воля без права...

Я растерянно смотрю на этот тускло струящийся кусок материи в руках. Мгновенная вспышка радости куда-то ушла, растворилась... Так растворяется утренний сон с крохотным зернышком иллюзии. Почему она плачет?

– Танюшка, ты чего? Я всего лишь хотела показать тебе... Думала ты порадуешься... Ведь у меня нет второй юбки... Ведь они все выкинули. И мои вещи, и книги, и картины, и рукописи, всю мою писательскую жизнь просто так взяли и выкинули на помойку...

Ее фиолетовый свитер и сжатый ужас где-то на дне расплесканных глаз. Слова. Они наконец-то появляются ее слова. Только они похожи на бруски металла. Отрываются, падают.

– В такой юбке... я мыла полы... когда в рабстве была... у цыган. Всегда в такой юбке... Они били меня... Всегда. Больно. Били... Почти три года... Как собаку, били.

УСНУВШИЙ САД

... Платформа «Перерва». Из окна вальс товарняков и электричек. Они плывут в разные стороны, и все это где-то не здесь, не на Земле... На Земле не может такого случиться. Это рельсы Луны. Этот грохочущий танец железных дорог на дне Луны. А наверху – монастырь. Мужской. А рядом – что-то похожее на крематорий – женская тюрьма. А рядом, в тупике – два этих дома – ночлежка для бомжей...

... Голуби. Они всегда прилетают на окно. Стучат по стеклу, ждут утренней порции хлеба. Птицы, как и люди, привыкли надеяться на чье-то милосердие. Им также свойственно чувство ожидания...

– Танюшка, чайник...

– Уже на плите...

... Она снова красит ресницы. Каждый глаз – озеро с крыльями. Вот-вот взлетит. Стоит только взмахнуть... Цветы, икебаны, швабра с тряпкой, мусорный бак, сияние кухонной плиты...

– Танюш, а муж очень тебя любил?

– 12 лет, как один день. Октябрь тогда, тот последний октябрь был похож на сказку. Яблоки, огромные, налитые, антоновка. И я танцевала вокруг яблони в нашем новом саду. Я думала, что в нашем саду...

И НАЧАЛОСЬ ЦЫГАНСКОЕ РАБСТВО

... Лучшее, что есть у человека – окно и мечта в окне. Что-то странное происходит с сознанием. Постепенно привыкаешь к мысли, что ты не нужен тому пространству за забором, за железной дорогой, за куполами монастыря... По ночам – это всего лишь далекие фонари мертвого озера, часть пейзажа на дне Луны... Самое главное – за окнами нет людей. Никого, кроме наших: хромых, на костылях, безногих... Кого-то тяжелые мысли пригибают к земле, кого-то совесть... Опять не получилось быть трезвенником среди берез...

– Танюш, а зачем вы с мужем в тот дом поехали?

– Так нас целый год цыганские реэлторы обхаживали, чтоб из московской квартиры в Подмоскowie переехали, в свой домик с садом...

Переехали. Коля умер при загадочных обстоятельствах, ни с того, ни с сего... Лежали с ним в комнатке этого нового дома с садом. Вот так, как мы с тобой. Две кровати напротив, посередине – торшер. Читали. Вдруг на какое-то время я отключилась, вздремнула. Совсем ненадолго вздремнула. Очнулась, а Коля лежит на своей кровати с раскинутыми руками, как Иисус. Подошла – мертвый. Кинулась к нашим оформителям квартиры. Говорю: «Коля умер!» А они: «Что, уже?...» Я тоже тогда еле жива осталась. А из документов – только моя донорская книжка и паспорт. И никаких документов на дом. И так я осталась – ни денег, ни дома...

А дальше я представляла, как снег запорошил те спелые яблоки, среди которых еще неделю назад Танюшка безмятежно танцевала, а Коля все смотрел на нее, потом подхватывал, кружил... Новая жизнь, новый дом, новый сад...

Потерянная и совсем одинокая шла она потом через этот сад по засыпанном снегом яблокам. Ополумевшая от беды, шла к поездам... И потом уже в Москве, несколько часов бессмысленно прождав на морозе человека, который обещал помочь, она встретила двух цыганок... Поверила, поехала... И началось рабство...

БЕЗМОЛВИЕ СЛУЧАЙНЫХ ВСТРЕЧ

... Такое безмолвие внутри... Такое безмолвие, что хочется баюкать Луну. Наверное, эти железные составы увезли жизнь... Или, никем не узнанная, пошатавшись по тупикам отчаянной Перервы, жизнь сама запрыгнула в вагон и унеслась с этого Лунного грунта... Ничего не случится потом, когда башни иллюзий вырастут на берегах Москворечья. Ничего не случит-

ся потом, когда состояние жизни приравняется к состоянию смерти... И потом, когда чьи-то пластилиновые ноги вдруг... Робкая любовь интеллигента-бомжа. Я вижу тот больничный корпус из окон этого... И потом Танюшка поставит две розы в его глиняной кружке на краю моей тумбочки... И торжественная тишина крематория, где я незаметно положу ладонь на розовый край отъезжающего гроба; «Сашенька, прощай!».

Но почему-то я пытаюсь разодрать ногтями грудную клетку и найти там, за решетками собственных ребер, ту бабочку, ту однокрылую деревянную бабочку, которая все равно должна хлопать своим единственным неподъемным крылом. А как иначе ощутить жизнь, когда нет этого движения крыла в граните твоего зашоренного сознания?.. Как...

В ту ночь мы с Танюшкой не могли спать. Огромная луна, и непрерывный лай собачьих полчищ. Казалось, что собаки сбежались к воротам ночлежки со всех московских окраин, или, может, не собаки это, а человеческие души, погибшие собачьей смертью, воплотились, натянули на себя прежние шкуры и хвосты, пришли взглянуть на свой последний дом, и с кем-то невидимым разобраться... Танюха шептала какие-то заклинания, чтобы к Александру Сергеевичу вернулось здоровье, а наутро, приехав в больницу, я узнала, что в живых его больше нет. Заберу костыли, чтобы вернуть нашему фельдшеру, и серебряный перстенок, а больше нечего забирать...

И потом в его глиняную кружку на моей тумбочке Танюша поставит две воздушные розы. Нежные, как закат... Когда на смену жизни приходят одни только воспоминания.

– Мне его будет очень не хватать, – говорила поминальные слова

Валентина Борисовна. – Он был таким внимательным, интеллигентным человеком. И ворота откроет, когда задерживаюсь, И до остановки проводит... И с праздником не забудет поздравить...

За добрые слова я протянула ей серебряный перстенок:

– Возьмите, на память о Саше.

ТЕНЬ ГАМЛЕТА

Окна в доме напротив, через двор. По лестничным ступеням – тень. Тень Гамлета. Евгений Ткачев. Поэт. Интересно, когда-нибудь ему улыбнется судьба?.. Или она так и остановится лестницами опозитизированных бомжей?... Дежурный по этажам. Только на дне Луны такие должности раздают поэтам... Клубится сигаретным чадом поэзия на дне Луны...

– Женька,– говорю, – ты уже 20 лет не жил на свете. Законы литературного мира давно изменились... Без денег сейчас не выйдет твой поэтический сборник...

– А я, – улыбается наивно, – у друзей попрошу. Дадут...

– А ты, – спрашиваю, – друзей-то своих сколько лет уже не видел?:

– Ну-у, – чешет свой седой затылок, – очень давно. Менглета – уже и в живых нет...
Прошлым маем умер. Как раз я только собрался и поехал к нему, наконец... А он на даче оказался. А вечером по радио слышу, что он на даче и помер... Так и не увиделись. Опоздал я...

ФИЛЬКИНЫ ГРАМОТЫ (с акrostихами)

Дразнит жизнь бомжей по-всякому,
Нарочито грязно и смешно.
Под песнь Высоцкого и дьякона
Латая правовой мешок.
Юдоль крестами озабоченной
Бежит поземкою им вслед:
Любовь повинностью отсроченной
И горя алкогольный бред.
Надежд березовая накипь
Опальным льдом сковала паперть.

ФИЛИ-АЦИЯ

Фантастический запах детства
И березовый символ мечты,
Лабиринт нескончаемых бедствий,
И бродяжничества, и нужды.
«Алкоголь надорвал твои силы»
– Циник ржет, изгаляясь взхлеб,
«И стоишь ты у края могилы...
Ясновидящий... Скоро в гроб».

Евгений ТКАЧОВ

ГРОБОВАЯ

И все-таки, мне хотелось проводить с людьми поэтико-психологические вечера. Хотелось хоть как-то приподнять их душу.

– Жень, – говорю я тени Гамлета, бездомному поэту Ткачеву, – по моги хоть где-нибудь, хоть кого-нибудь собрать. Ведь здесь наверняка есть люди, которым необходимо живое слово и поэзия нужна.

– Давай попробуем – соглашается Ткачов.

Тень Гамлета – загадочная личность. 20 лет назад он не был бездомным поэтом. Вернее, поэтом был, но жил в своей квартире. Наши законы, что в советский, что в постсоветский период всегда давали и дают возможность у кого-то что-то отнять. Женька был не просто поэтом, известным в своих кругах. Он дружил со знаменитым Менглетом, с поэтами круга Владимира Высоцкого. Тогда в начале 80-ых был в силе закон о тунеядстве. Если человек пишет стихи, публикуется, но нигде не работает, то его можно было привлечь за тунеядство. На поэта завели уголовное дело, а на суде ему инкриминировали принадлежность к группировки Высоцкого. Посадили в тюрьму. В квартире, кроме него, никто не был прописан. Поэта – в тюрьму, а квартиру – на нужды местных властей.

В тюрьме Ткачов и года не отсидел. Отбыл половину срока, его и выпихнули на волю. На совсем вольную волю, потому как его квартира ему уже не принадлежала. Скитался по поэтическим тусовкам. А потом в ночлежку попал. Дали ему должность дежурного по этажам. Так и остался он на много лет вечно дежурным и поэтом. Высокий, слегка сутулый, выразительное лицо... Во всяком случае, мужская половина обитателей ночлежки Ткачова слушалась.

В один из выходных мы разгребли «гробовую» комнату. Расставили по углам остовы могильных венков, стянули в кучу темно-зеленое подобие еловых веток, сдвинули столы, зажгли свечу.

Собравшиеся мужики смотрели на меня кто совсем мутными, кто безнадежно-усталыми глазами. Если б не сидящий рядом Женька, они бы точно ушли. Зачем им чего-то слушать, когда кроме обиды в душе и тоски беспросветной, ничего нет.

Потихонечку они втягивались в разговор за жизнь. Кто-то стал на память читать Есенина, кто-то Осадова. Расходились уже на подъеме. Всем понравилось.

Так несколько выходных подряд мы проводили наши поэтико-психологические вечера.

Мотивы смерти и мотивы жизни в «гробовой» соединялись вокруг зажженной свечи венком Шекспировских сонетов.

... Иногда кто-то один обязательно должен найти в себе душевные силы, чтобы позвать другого и уже вместе поднимать настроение людям, будить высокие порывы чувств, и среди полного мрака напоминать сознанию каждого о вечности и красоте этого мира...

ЧАСТЬ 2

ЗОНА ОБМАНУТЫХ

Я спотыкаюсь о нищих

И плачу, во тьме,

Подошвы путая со щеками...

(из книги «Видения в городе Нищих»)

Живя по принципу «МЕНЯ ЭТО НЕ КАСАЕТСЯ», ты даже не подозреваешь, ты даже представить себе не можешь, что однажды, кто-то другой скажет именно в твой адрес эти же самые слова.

Ведь люди на планете – это единый организм. Не коснулось тебя, но коснется детей твоих или внуков.

Вспомните замечательный фильм Эльдара Рязанова «Небеса обетованные». Нет, никто не застрахован от участи оказаться на всеобщей человеческой свалке. «Омон», милиция, мэры и бронетранспортеры придут уничтожить вас. И у вас окажется единственный выход – в НЕБО!

Но, сгоняя с земли право людей на жизнь, само государство необратимо превращается в большую свалку с тошнотворно-сладким запахом духовного разложения...

И в день окончательного одичанья,

Когда я решила: «Пора на вылет»,

Пропасть внутри меня выдохнула:

«Паче чаяния!

Вылететь некуда!

Небеса отменили!»

(из книги «Бабочка в часах»)

О директоре

Удивительная вещь. Сотрудники ночлежки в основном заняты тем, чтобы проследить, не пронес ли убитый горем почти спившийся человек бутылку водки. В основном к этому сводится вся их деятельность. Когда есть указ сверху, чтобы подбирать бездомных, пьяных, не важно каких и везти в ночлежку, а из ночлежки, пьяных, таких же, выкидывают на тот же мороз...

В курсе всего этого Константин Михайлович или не в курсе. Не знаю. Но, скорее всего, нет. Потому что он – другой человек. Немножко консервативный, немножко старорежимный, но человек с душой.

Живет в ДНП красивая женщина, Рита. В ту пору, когда я с ней общалась, я ни разу не видела ее пьяной. Когда я готовила на радио очередную передачу о беспризорных детях, то рассказала Рите о человеке, который работает с этими детьми. У Риты в ужасе округлились глаза.

– Не называй его имени в положительном смысле! Ни в коем случае! Это ненормальный человек. Стяжатель, гомосексуалист! Я была там, и там был один парнишка...

Я не стану рассказывать всю эту историю. Суть не в этом. Суть в том, что Рита, красивая, умная женщина, далеко не алкоголичка.

И вот, спустя какое-то время, чуть больше, чем полгода, я слышу рассказ, характеризующий уже не Риту, а Константина Михайловича.

Невероятно пьяная Рита холодным зимним днем пошла за бутылкой в магазин. Дойдя до магазина, она не смогла переступить порог, упала, поползла. Ползком открыла магазинную дверь. В состоянии «ползком» купила бутылку и в том же состоянии выползла. Ползти дальше у нее, пожалуй, не было сил. У первого снежного бугра легла бы Рита замерзая в обнимку с купленной бутылкой...

Но тут на случай проезжал директор Д Н П Константин Михайлович. Увидев в таком состоянии свою подопечную, остановился, подобрал, привез.

Человечность – в этом суть Константина Михайловича. И странно, что там, где директор проявляет человечность к больным людям, его подчиненные творят порой обратное...

Человек в экстремальной ситуации. В беду его и его семью, как правило, вгоняли множество сопричастных к бандитской круговой поруке.

И чтобы вытащить его из этой беды, тоже нужно множество сопричастных.

Получается, что круг, где отнимают, сплочен и тесен. Там за человека берутся всем скопом, пока не выпотрошат совсем. Круг помощи разрознен и слаб. Порой там не хватает, действительно, искреннего желания помочь. А почему не хватает?

Круг, помогающий обирать человека, в итоге получит хорошее денежное вознаграждение, поделив причитающуюся ему собственность. Круг, призванный спасать, получает жалкие гроши и ненавидит этого самого человека, которого надо спасать.

Что может сделать даже очень чуткий человек, директор ДНП, если штат его сотрудников – мизерный, зарплата минимальная. Квалифицированные работники на такую зарплату не пойдут? Что он может? Единственное – хоть как-то в определенных рамках удерживать процесс броуновского движения.

Зато – бумаг! Отчетов! Совещаний! Конференций! Научных теорий по – «ресоциализации»! Что такое, эта самая «ресоциализация», с чем ее едят?

И уже создается впечатление, что оказавшийся без дома человек – это всего лишь на всего подопытный кролик для научных изысканий социологов.

Выживет этот кролик, поев «дээнпэвские» консервы, – хвала ему и новая глава в трудах научных изыскателей. Можно проследить, как будет жить в условиях сумбурной скученности безногий кролик. Сумеет ли он продержаться в очереди за буфетной «жрачкой»?

Если сумеет – возникнет новая глава по структуре «ресоциализации». Можно научить оставшегося без норки безногого кролика умеренно пить горячительные напитки и периодически выбрасывать его на мороз.

Если выживет – хвала ему и честь. К морозоустойчивому кролику можно приставить «честь имеющего» администратора, который будет шпынять его на каждом шагу и напоминать о месте пребывания. Напоминать, что это не его родная нора, которую он трудом своим, жизнью выстрадал, а нора вообще, где нет у него права ни на то, чтобы вздохнуть, ни на то, чтобы охнуть!

В сознание бедного животного, и без того некрепкое, станут внедрять еще и растительную психологию.

Ну, что, жалко кролика?

А людей?

ВЕЗДЕ ЕСТЬ ЛЮДИ

Мой опыт скитаний показал, что никогда и никого нельзя охаивать огульно. В любой сфере, в любой профессии есть честные и нечестные люди, есть подлецы и романтики, есть стяжатели и искренние безумцы, борющиеся за простое понятие «честь».

Есть прекрасные люди в милиции и прокуратуре, просто по чистой случайности я на них не вышла. Еще не вышла. Есть справедливые и отзывчивые люди в префектурах, в нотариальных конторах, просто, по чистой случайности, мне пока не удалось с ними познакомиться.

Везде есть люди. И есть те, кто по слабости душевной забывает, что изначально он очень хотел быть человеком. Это уже несчастье. Это социальная болезнь.

Лично меня, как человека не пьющего там, где это запрещено, по большому счету служители ночлежки ничем не обидели. Лично я каждому из них готова сказать спасибо и больше не встречаться.. Но это потому, что я в здравом рассудке, не больна ни алкоголизмом, ни наркоманией, ни еще какой-либо душевной болезнью. Но душа-то болит за собратьев по отечеству.

Есть в ночлежке афганец, художник Володя с протезом вместо ноги. Разве я не понимаю, почему он пьет? Разве я или кто-нибудь еще придумает такое лекарство, от которого бездомный и безногий афганец почувствует себя счастливым?

Есть в ночлежке Наташа Николаева. Чемпионка союза по конькобежному спорту. Старая опухшая женщина с мешками под глазами. Она всегда плачет. Плачет, когда нет денег на пачку «примы», когда не на что купить четвертинку...

– Да мое имя написано золотыми буквами...

Правда или нет, не знаю. Но верю, что так и было.

Опираясь на палочку, едва шатаясь, подходит она к воротам ночлежки:

– Вера, проводи меня! Я же сама не пройду. Меня там оскорблять будут, выгонять, проводи!

Тающие мартовские лужи, воробьи. Собаки греются на солнце. Я беру ее под руку.

– Давай, попробуем пройти!

Можно пройти через вахту с дежурным и милицией, можно пройти в свою комнату. Но как пройти в ту дверь, за которой скрывается справедливость?..

– Не плачь, Наташа!

– Дай десятку на сигареты!

– На!

– Я тебе обязательно верну!

– Не вернешь. Я тебя просто угощаю.

Иду по дороге до метро.

– Вера!

– Откуда ты взялся, Волк? Так располнел, раскормился...

– В спецприемнике держали, потом лечили от алкоголизма... Ты не сердись на меня за то, что при первой встрече я с тобой чуть было не подрался?

– Да что ты!

– Ты не забывай меня, даже если уйдешь отсюда, не забывай! С тобой так хорошо говорить, так легко.

– И мне с тобой легко. Ты только не пропадай с этой земли, Волк, не пропадай, ладно!

– Если что, найди меня! Ради тебя расшибусь, все сделаю, что попросишь! Все равно у меня 30 лет тюрьмы. Ты понимаешь, о чем я?

– Спасибо. Мне достаточно это знать... А пока прощай.

– Куда ты?

– Пока до метро, а потом не знаю. Не иди за мной, не спрашивай

Не зови...

– А помнишь, ступени, и Славка пел под гитару...

– Да...

– Ты не знаешь, где он сейчас?

– Где-то у Александровского сада... Ты когда-нибудь найдешь его,

Я тоже когда-нибудь его найду... Мы все когда-нибудь встретимся в переходе между этой жизнью и той...

Волк, Андрюха, я помню тебя. Знай...

О ком еще я забыла сказать?

Об Игоре Ивановиче. Изначальное тепло, притянувшее меня в ночлежку. Тогда он был другим, когда собирался мне помочь и говорил, что мы защищаем людей, что наши запросы и письма много значат. Он рассказывал, как был бизнесменом и алкоголиком, как приезжал к своему подвалу на «мерсе» или доползал на локтях... Как хотел повеситься, но не вышло. Как родная мать его, умирающего, не впустила в дом среди ночи, а бывшая жена, встретив на улице, подала милостыню... Именно из-за этого он хотел повеситься...

Когда я впервые увидела его в ночлежке, он был честным, откровенным, искренним... Но что-то с ним случилось потом. Что-то случилось. Как будто в шагреновую кожу свернулась его душа.

– Игорь, помоги!

А он не слышит.

– Игорь, где ты?

А его нет...

А дальше... Трудно говорить о человеке, которого ты уважаешь, понимаешь и презираешь одновременно. Просто, что-то случилось с ним, и он стал забывать про людей.

Сейчас я хочу рассказать про автобус, застрявший во дворе. И прости меня, Игорь Иванович, что слова будут нелестными, но вдруг что-то затронет твою душу, разбудит, заставит оглянуться чуть-чуть назад...

АВТОБУС ВО ДВОРЕ

... Длинный белый автобус во дворе. Автобус – дом. Там есть и кухня, чтобы быстро приготовить горячую пищу, отделение для медицинского работника, для оформления документов, для милиции. Год назад общественный фонд «Врачи без границ» подарил этот автобус бездомным людям. Не то, чтобы самой ночлежке, а президенту фонда помощи бездомным «Берег». «Врачи без границ» сделали этот подарок в надежде, что он поможет многим несчастным, многих спасет, так как сама организация «Врачи без границ» работает с бездомными от всего сердца, не брезгую ни пьяными, ни вшивыми и грязными. Они беззаветно преданы своему делу.

– У меня болели ноги, – рассказывает Галина, – меня никто нигде не принимали. Мы приехали с мужем туда, на улицу 1905 года, я посмотрела, каких людей они там принимали, грязных, вшивых, с открытой формой туберкулеза, я была просто поражена их таким вниманием к людям. Это было еще до моего прихода в ДНП. Молодой человек, принимавший меня, сразу поставил правильный диагноз, дал очень полезный совет в отношении того, как мне лечить ноги.

И конечно, сделав такой дар президенту Фонда «Берег», они были искренне уверены, что автобус будет использован по назначению. На самом деле Фонд состоял из одного человека – Игоря Ивановича. Бывший алкоголик прижился здесь, вышел на руководящую должность, поступил в социальный университет. Его слова всегда звучали красиво: «Я хочу посвятить

свою жизнь помощи бездомным, малоимущим людям, оказавшимся в экстремальной ситуации». Но все это было не больше, чем слова. Отдельный кабинет, компьютер под рукой, и горя нет. О бездомных людях Игорь Иванович стал потихонечку забывать. Более того, они ему даже мешали: отвлекали от личных дел.

Красивый автобус ждал своего выезда на улицы Москвы. Благая цель – подбирать бездомных, чтобы они не замерзли, не погибли, помогать им делать регистрацию в Москве, оказывать первую медицинскую помощь... Предполагался целый комплекс услуг: подбирать, привозить в реабилитационный центр. Прекрасная идея. Прекрасная мечта. Сами проживающие могли бы ездить в этом автобусе и каждый день выброшенных на улицу людей спасать от смерти. Такое занятие отвлекло бы и их самих от собственного горестного чувства бездомья и от последующим за этим желанием заливать горе водкой.

Благая цель. Красиво и гордо звучит сама должность – президент Фонда помощи бездомным «Берег». Но работу надо было суметь организовать, или хотя бы для сначала захотеть действительно оказывать помощь людям. Но выбившийся в люди бывший алкоголик забыл о нуждах своих собратьев по несчастью.

Дождь, снег. Стоял без дела автобус. Стоял и ржавел. Потихонечку его растаскивали по частям, по винтикам, по шпунтикам... Президент Фонда устроил в нем свой склад. Иногда изгнанные из ночлежки на улицу пытались ночевать в нем... Их наказывали. Выгоняли с койко-места и из автобусной «ночлежки»... Ведь там был склад «президента»... Сам автобус уже начинал колоть глаза: слишком много места занимал во дворе. И склад, и бесплатная стоянка...

Странная вещь получается: Комитет Социальной Защиты населения Москвы издает постановление, чтобы в ДНП (дом ночного пребывания) принимали всех людей, независимо от прописки, наличия или отсутствия хоть каких-либо документов, пьяных или трезвых. Они обязаны подбирать, привозить, помогать людям восстанавливаться в жизни. Слишком много погибает на улицах Москвы бездомных людей... Этим и вызвано новое Постановление. Но из самой-то ночлежки пьяных выбрасывают...

Любой человек, обманутый квартирными мошенниками, оставшись без ничего, самостоятельно просто не в силах решить свою проблему. В нашей системе при наших существующих законах это просто исключено. Катастрофически необходима юридическая помощь, психологическая, психоневрологическая, наркологическая и квалифицированная медицинская. Практически каждому бездомному требуется помощь в составлении искового заявления в суд, в оформлении многочисленных запросов. А кто поможет это все осуществить?

Если честно, то никто. Это все иллюзии – ожидание желаемого. Я тоже, оставшись на улице и придя в ДНП, понадеялась на весь комплекс необходимых мне услуг. Пожив там

полгода, я поняла, что социальным работникам предполагаемого реабилитационного центра некогда заниматься решением проблем самих людей. Тем более, некогда заниматься их реабилитацией. Единственное правило, которое здесь четко соблюдается, это с помощью милиции вытаскивать из помещения пьяных и раздетыми бросать их на мороз – УМИРАТЬ.

Зачем стоит во дворе подаренный организацией «Врачи без границ» автобус? ЖИВОЙ ПАМЯТНИК СОВРЕМЕННОСТИ: ОЧКОВТИРАТЕЛЬСТВА, ЛИЦЕМЕРИЯ, ЛЖИ.

ИХ ВЫБРАСЫВАЮТ УМИРАТЬ!

– Галя! Галя! – кричит одна из проживающих. – Твоего сына... Иди скорей!

Галя в ужасе выскакивает на лестничную площадку и хватается за сердце:

– Витя...

Милиция тащит за ноги ее сына. Голова бьется о ступени...

– Что вы делаете? Стойте! Остановитесь! Он же человек!

– Он пьяный...

Странно, что милиция не сумела отличить больного от пьяного. У Виктора случился приступ эпилепсии, и он упал в комнате. Сосед по комнате побежал сообщить об этом дежурному администратору.

– Татьяна Валентиновна, там Виктор посреди комнаты валяется.

– Где милиция? Пусть выкинут на улицу! – дает распоряжение Татьяна Валентиновна. Она не утруждает себя подняться на этаж, разобраться в том, что произошло. По ее логике, если человек упал, значит – пьяный, а если пьяный, значит – в ночь, на улицу, на мороз!

Виктор был в одной рубашке и в джинсах. Ночью – 25-ти градусный мороз. Пена изо рта. Мог запасть язык. Ему предстояло умереть раньше, чем его выбросят на улицу. Если бы на другом этаже не жили его мать с отцом, так бы и случилось. Когда выкидывают на улицу, обычно никто не вмешивается.

Так случилось и в прошлую зиму. Я помню парня с пятого этажа гостиницы. Его звали Юра Колобанов. После работы на заводе он выпил и уснул в своей комнате. Кто-то из «доброжелательных» соседей сообщил, что спит пьяный, закрылся. Распоряжение дежурного администратора было таким же: «Выкинуть на улицу!»

Милиция тащила пьяного работягу так, что кровь летела на стены. Так же раздетого, так же на холод, в ночь. Утром Юру нашли за гаражами. Уже мертвого. Смерть наступила в результате переохлаждения.

Об этом эпизоде я узнала в курилке, не увидев там всегда тихо сидящего безобидного, неприметного парня.

Так же на улицу выкинули Путинцева, балагура и любителя пошутить. Выкинули за пьянку. Там же, около платформы «Перерва», прервалась его жизнь. Замерз.

Расправиться с бездомным человеком ничего не стоит. Выкинули, как мусор, на улицу. Выписали из ночлежки. А там – умер ты, или еще ползешь в предсмертной последней надежде выжить и спастись, ползешь, обдирая в кровь пальцы и лицо, – никого не волнует...

Увидев, что делают с ее сыном, Галина подняла шум. Фельдшер ДНП Ольга вызвала «скорую». Врач «скорой» оказался на редкость душевным человеком и побоялся оставлять парня без медицинской помощи. Виктора увезли в больницу. На этот раз он не был пьяным. Врачи зафиксировали приступ эпилепсии. Администрация уже поспешила выписать его из ДНП. Теперь уже дежурная не поленилась подняться на этаж, сходить в комнату Виктора, добыть докладную на него.

Галина, сражаясь за жизнь сына, сделала все возможное, чтобы восстановили его регистрацию.

Бездушное отношение и пренебрежение к несчастным людям проявляли именно те, кто по своему статусу «социального работника» призваны были помогать человеку выжить...

И я не о том, что если болен, то нельзя выкидывать и выписывать! а если пьян, то можно... Люди, пережившие мощный стресс от обмана квартирных мошенников, от потери жилья в результате такого обмана, оттого, что никто не поможет вернуть свое, теряют веру и в общество и в его законы. Они теряют веру и начинают пить. Они опускаются все ниже и ниже с молчаливого согласия тех, кто по закону призван восстановить справедливость. Призван не быть равнодушным. Вместо того, чтобы помогать им выжить, им помогают умирать... Такая у нас СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА.

Живущие в своих квартирах, имеющие в семье больных наркозависимостью или алкоголизмом, понимают, какая это беда – жить с такими близкими. Какими бы она ни были – сын, дочь, отец, мать, жена, муж – от них не откажешься. За них так или иначе болит душа.

А теперь представьте, что из-за кого-то из них вы потеряли жилье. Душа болит по-прежнему, а жить в условиях бездомья становится невыносимо. Перед вами стоит единственная задача – для начала просто сохранить физическую жизнь, факт существования.

– Галя, что с тобой? – спрашиваю Галину Яковлевну.

– Не спала всю ночь, – отвечает Галина. – Без четверти 11 сын сказал, что у него начинается белая горячка и надо купить четвертинку. Попросила мужа:

– Подойди к дежурной, объясни ситуацию.

Через 10 минут, вместо четвертинки, в комнате появились два милиционера, фельдшер, администратор. Крику, шума – до четырех утра.

Один милиционер мудрым человеком оказался. Он сказал моему Вите:

– А ты все в жизни прошел? Вот я и на улице, и в психушке работал. Ты не знаешь, что такое людей в клетки сажать? Не знаешь. Сажают человека в клетку, и в этой клетке он живет. Ты этого хочешь?

И фельдшер Ольга помогла мне, подыграла:

– Не пройдешь курс лечения в 45 дней, мы тебя сюда больше не возьмем...

Я все понимаю. Под банкетками в коридорах – бутылки из-под пива и водки. Кто-то опорожняется посреди комнаты... На кого-то закрывают глаза. К нашей семье пристальное внимание. Я все понимаю. Но всякий раз готова сказать:

– Что вы хотите от людей, которые уже взрослые, которые много лет – нигде, которые в тюрьмах отсидели? – Перевоспитать что ли? Не надо лицемерить. Этих людей уже не перевоспитаешь. Значит, надо придумать систему воздействия на них. Не на мороз выкидывать! Свой вытрезвитель, наркологи. Искоренить это нельзя. Убивать за это не имеем права. С этим надо научиться разумно жить.

Мой напуганный сын утром отправился в больницу. Его пролечат 45 дней. Что будет дальше – не знаю. Скорей всего, вернется сюда и опять станет пить... И мучиться мне до скончания дней моих. Но чтобы кто-то выкинул его на мороз, и он помер там, как собака, этого перенести не смогу. А в чем я перед жизнью провинилась?

КАК ХОРОНЯТ БЕЗДОМНЫХ

Бывший телеоператор Виталий Филонов умер в больнице 9 декабря 2002 года. О его смерти сообщили только 19 декабря. И то, не сами сообщили. Сосед по этажу приехал навестить Филонова в больнице, а ему сказали, что тот уже 10 дней, как помер. В морге лежит! Еще попросили, чтобы кто-нибудь из руководства приехал документы оформлять. Руководству долгое время приезжать было некогда... А ведь он, Виталий, любил эту жизнь в ДНП.

Как-то в гостиничной курилке, в «13 купе остановки станции Перерва» мы разговаривали с Филоновым. Он говорил, что уже не смог бы жить один в отдельной квартире.

– С тех пор, как потерял квартиру, привык к жизни здесь. Раньше, когда еще работал в Останкино и ездил на съемки, очень любил одиночество. Мне нравилось жить зимой в какой-нибудь избушке, чтобы кругом – снег... Нравилось уходить в лес на лыжах, а на подходе к избушке, чтобы встречала любимая собака. Кругом тишина, спокойствие. Все красиво и легко... Потом привык к жизни здесь. В комнате нас трое. У меня хорошие соседи. Можно

полежать, почитать, поговорить, а когда захочется более широкого общения, выйти в курилку. А днем тоже не за чем сидеть в помещении. У меня столько знакомых по системе «12 шагов». Можно в церковь поехать, в клуб... И здесь мне люди нравятся. Тоже много знакомых. Хорошо.

Знакомым Филонова из ДНП даже не удастся с ним нормально попрощаться. Как его похоронят... Где?... Просто сожгут в крематории?

В моей памяти все еще стоит другая эпопея болезни и похорон Александра Сергеевича Гаврилова, местного сторожа, рабочего местной котельной...

Был февраль, когда меня наконец-то перевели из ночлежки в гостиницу. Сосед по этажу, интеллигент Александр Сергеевич трепетно спешил поставить для меня электрический чайник, угостить кофе, сигаретой...

– Прошу вас, позвольте только помогать Вам, – говорил Александр Сергеевич не задолго до того дня, как его отправят в больницу. – Вы не подумайте, мне ничего не надо взамен. Просто позвольте помогать. Я вижу, как вам трудно сейчас. Возьмите мой мобильник. Мне все равно некому звонить, а вам он необходим...

Первый раз в жизни мне подарили мобильник. Не кто-нибудь из прежних мужей или друзей, а почти незнакомый бездомный человек. И щедрость эта показалась мне особенно удивительной. Щедрость, внимательность, чуткость...

Перед его отъездом в больницу, я видела, как Александр Сергеевич тяжело спускается по ступеням. На дежурство в котельную. На ногах ботинки «прощай молодость»...

А на утро рассказывали, что у него что-то с ногами случилось. Он приполз из котельной. Ему вызвали «скорую». Мне приходилось много ходить по инстанциям, чтобы Александру Сергеевичу выдали хотя бы временный страховой полис. Бездомному человеку была необходима срочная операция. Потом ему ампутировали ногу, потом еще одна ужасная операция. Александру Сергеевичу шли навстречу только потому, что он хоть и бездомный, но свой, сотрудник, пользующийся уважением и у проживающих, и у руководства. Очень помогала ему Валентина Борисовна.

В больнице Александр Сергеевич прожил от мужского праздника до женского. 8 марта он умер. Александру Сергеевичу, пожалуй, одному из очень немногих, была оказана честь с похоронной церемонией. С ним прощались в крематории, потом помянули...

Простые проживающие после смерти долго еще лежат в морге, потом отправляются в безымянную могилу. И если их хоть кто-нибудь любил, то просто в дружеской беседе, за рюмкой чая вспомнят... А таких, не особо общительных, тихих, каким был Юрий Колобанов, которого прямо в пьяном сне выкинули на улицу умирать, вряд ли кто вообще вспомнит, а на

могилку уже точно никто не придет, потому что могилки с его именем не будет ни на одном московском кладбище. И нигде не будет...

ЧТО ЖЕ ВЫ, ЛЮДИ?..

Словно в насмешку над безысходностью жизни и смерти бездомных людей, накануне Нового года, буквально после известия о неостребованном трупе бывшего телеоператора Виталия Филонова, по телеканалу НТВ показывают, как развлекаются состоятельные люди. Они играют в «бомжей». Они наряжаются в рваные одежды и, юродствуя, собирают деньги с прохожих. Насытившись «кайфом» от кривляния в переходах метро, от подражания выброшенным на улицу людям, досыта навеселившись, они снова переодеваются, обсуждая забавные моменты своего розыгрыша...

И еще кадр в завершение передачи. К грязному «бомжу», просящему милостыню, подходит милиционер. А мнимый «бомж», улыбаясь сытой голливудской улыбкой, показывает удостоверение телевизионщика.

Наверное, телезрителям, сидящим в своих уютных квартирах, от такого умелого розыгрыша тоже становится весело. Какое кому дело до судьбы бывшего телеоператора «Останкино» Филонова? Не стань он волею судьбы бездомным, наверное, по чьему-то заданию тоже бегал по московским улицам с телекамерой и снимал передачу о том, как развлекаются богатые, играя в бомжей... Нет, пожалуй, не бегал бы и не снимал. Равнодушные люди редко попадают в категорию бездомных, потому что их трудно поймать на человеческое доверие и потом обмануть.

И еще телевизионный сюжет в программе Виктора Шендеровича в самом конце уходящего 2002-ого года, 30 декабря, в 12.35 по ТВ. Это уже касает помощи бездомным людям. Недалеко от Госдумы находится татуировочный салон. Депутат А. О. Медведев лежит на скамеечке. Ему делают татуировку от поясницы и ниже. Делаящий говорит: «Ваша социальная программа на ягодичках не вмещается». «Делайте ниже», – отвечает депутат. Юмор? Сатира? Прикол?

Но я на собственном опыте убедилась, что все, касаемое помощи людям, депутаты Госдумы делают именно через это место. Целый год мой квартирный вопрос находился на контроле именно депутата Госдумы. Но контроль оказался всего лишь пустой фразой... Не до людей политикам, ну, никак не до людей...

А среди тех богатых, весело играющих в бомжей, могли быть и квартирные мошенники, против которых никакая прокуратура под контролем Госдумы так и не возбудила уголовное дело... И так и хочется воскликнуть:

– Что же Вы, люди, над кем потешаетесь? Подумайте! Очнитесь!

Много лет назад в независимой лондонской газете был напечатан отрывок из моей поэмы «Видения в городе нищих»:

– Что же Вы, люди,
проходите мимо людей?
Бог никогда не простит вас и не поймет...
– Богу видней, как лелеять своих детей.
Кого-то отхлещет, кого-то скорей обоймет.
А за убогого только радей и радей.
Душу разбудишь,
А счастье земное уйдет...

Но Земное ли это счастье, люди – презирать обманутых? Потешаться над обманутыми, издеваться – земное ли?

Мне показалось, что мимо весь этот крик
От запряженного в бешеный круг бытия.
Но не минует презревших страданья живых
Чаша сия. Чаша сия!

ЧАСТЬ 3

«МЫ – НЕ БОМЖИ!»

Я сама завернулась
В свою мелкотарную дрожь.
Я сама свои жабры заспинно перелистала.
Шар был синь
И летел в переливчатость кож
Ометаллившегося металла.

(из книги «Видения в городе Нищих»)

... Приходит время, и ты начинаешь понимать, что после удара судьбы есть только два выхода: падать вниз или карабкаться на свою вершину, протягивая руку отстающим...

Ведь только желание действовать может вывести тебя из социальной комы. И тогда золотые часы на сумрачной стене леса позовут тебя минуткой-янтаринкой. И небо вдохнет в тебя силы. И уже не чеховским молоточком у виска, а мощной кувалдой своего сердца ты осмелишься пробивать каменные стены государственной машины.

И ты повернешь вспять инерцию механизма пренебрежения к беспомощному человеку. Ведь Царство небесное – не то, которое над нами и рядом с нами, а то, которое внутри нас. Надо уметь нести в себе небо, не отвлекаясь на зудящую пустоту, не спотыкаясь и не расплескивая...

Мы готовились жить в одной эпохе, а оказались в другой. Нас не учили торговать, обманывать, грабить. Тогда, как нам жить? Нам, не приспособившимся к эпохе лихого бандитского капитализма... Нам, все еще витающим в стране человеческих ценностей, призрачно исчезнувшей стране...

СВОЙ САЙТ

... Так мы пережили зиму и холода. Апрель разливал тепло по нашим бесприютным душам. В икебанах моей Танюхи-Дюймовочки появились первые веточки с настоящей зеленой листвой. Она ставила свои фантастические букеты на первом этаже гостиницы, и всякий входящий удивлялся этой бросающейся в глаза жизни и красоте. Женя Ткачов – вечный дежурный по этажам и тень Гамлета – уже плотно работал над своим первым поэтическим сборником «Филькины Грамоты». Не знаю, как бы я прожила без них – без Танюхи, без Жени, без моей Галочки и Анны Ивановны...

В кабинете Анны Ивановны наконец-то появился компьютер. И мы решили действовать! Создать свой сайт и привлечь к нему внимание международной общественности.

НОЧЛЕЖКА. ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Аннотация

За жизнью Дома ночного пребывания «Люблино» наблюдают три женщины с разными судьбами попавшие в это странное место.

Каждый вечер в кабинете заведующей у компьютера – Анна, Галина и Вера. Они рассказывают о прожитом дне, о людях, по тем или иным причинам поступающих в ночлежку.

Это ежедневная повесть об умении не падать духом и выживать в экстремальных ситуациях.

ВЕЧЕРНИЕ ХРОНИКИ

Анна Ивановна Бабиева,

Заведующая ДНП «Люблино».

Профессия – педагог.

Родом из Казахстана.

интервью

– Платформа «Перерва». Как это ассоциируется с Вашей жизнью?

– Вся моя жизнь проходит здесь. Днем и ночью.

– Почему пришлось уехать из Казахстана?

– Не дали там жить.

– Причины?

– Русскому населению не было возможности там жить и работать. Пришлось продать все за бесценок и уехать. У меня там умер муж, умер сын. Старший и меньший сын, уезжая во Владивосток (один – военный летчик, другой – радиоэлектронник ПВО. Военные), посоветовали мне поселиться в Подмоскowie. Все-таки, им приходится бывать в командировках в Москве. С горем пополам купила комнату в Подмоскowie. Последнее время в Казахстане я работала зам. директора в лицее технического профиля. Здесь тоже нашла работу в ДНП «Люблино» заведующей.

– Нервная система выдерживает? Все-таки, здесь люди непростые. Трагедии, горести...

– Да, здесь каких только нет. Но выдерживаю...

– В средствах массовой информации формируется мнение, что БОМЖ – это человек, пропивший свою квартиру. Что Вы на это скажете?

– Я так не думаю. Не все люди пропили квартиры... У нас живут очень интересные люди, попавшие в сложные жизненные ситуации, и они стараются вернуться к нормальной жизни.

– Есть ли какие-то мечты на будущее?

– Все мечты связаны с будущими совершенными формами работы. Для людей сделать доброе. Больше людей поднять. Помочь им выкарабкаться из этой ситуации.

Галина Яковлевна Маркова.

Делопроизводитель. Кадровик и т. д.

Коренная Москвичка.

– Платформа «Перерва». Что это значит для Вас?

– Я была на этой платформе, когда мне было 18 лет. Приехала с очень плохими намерениями. Мне было гадко.

И вдруг, спустя много лет, я поселилась здесь со своей семьей. Я бы в жизни никогда не подумала, что сюда приеду.

– А можно ли пояснить, почему «Перерва» стала частью жизни?

– Мне негде стало жить. Уже была безысходность. Занимаясь бизнесом, мы потеряли квартиру. Честным бизнесом. Как раньше нас учили в советские времена. Получается, что нельзя быть честным. А я привыкла выполнять свои обязательства. Выполнила. И осталась без квартиры.

– Детективная история?

– Не знаю, как сказать. Но история криминальная.

– А что случилось?

– Отняли квартиру. Сначала работала в госструктурах. Работала в министерстве. Кадровик, делопроизводитель. Со всем народом общалась.

С 78 г. работала в издательстве «Мир» заведующей отделом перепечатки рукописей. Со мной рядом, за стеночкой, в маленькой комнатке, где лбом можно упереться в окно, сидел наш юристконсульт Владимир Вольфович Жириновский. Знать бы в то время, что за ним уже кто-то стоит...

Надо же, как в жизни все меняется. Я тогда была еще и председателем месткома административно-хозяйственной части, т. е. не последней профсоюзной фигурой. И моя виза кое-что значила. Кстати, председателем нашего профкома издательства был Жебровский, ярый противник Жириновского в ту пору. Но как в жизни все меняется! Теперь Жебровский явля-

ется главным редактором издательства ЛДПР, то есть всех произведений Жириновского. Сказали мне, что он еще и директор всего издательства...

Сказали мне так, когда я Жириновского искала, чтобы по старой памяти... Ну, помог, что ли... Хотя мы с ним и ругались. Ведь я в то время была выше его по профсоюзной линии, подходил ко мне с листочками, просил отпечатать что-то... Ну, так и с Жебровским они ругались... А вон как теперь. В связке одной.

Вообще, Владимир Вольфович – умнейший мужик, надо сказать.

– И что, Владимира Вольфовича так и не удалось найти?

– Найти, нашла. Но не повидалась. Я оббегала все его офисы, поговорила с его юристом, где меня хорошо осмеяли. Сказали: «Женщина, вы что, совсем рехнулись?» А я опять же по своей наивности. Как же, я же с ним работала!

Неужели меня не помнит?.. Я посылала письма в Госдуму, посылала в интернет на сайт Жириновского. Все безрезультатно.

А так хотелось с ним встретиться, поговорить. Вдруг бы помог он мне, по старой памяти.

– На-ив-на-я-я-я-Я!

– Итак, началась эпоха хождения по инстанциям?

– Ходила в районный департамент жилья, в городской департамент, бросала сообщения на пейджер Лужкова, и меня пригласили на прием. Со мной разговаривали, как с глупой-глупой дурочкой. Как с дебилом. В департаменте жилья на Тверской махровая тетя сначала выслушивала меня, а потом орала на весь коридор: "Пропила квартиру! Иди отсюда!"

И я ведь пришла не в каком-нибудь дурном виде. Я пришла в хорошей шубе, хорошей шапке. Она орала мне вслед, а я шла и задыхалась от негодования и от гнева. От этой невероятной несправедливости, которая только что со мной произошла.

Господи, человеческое понимание... Такое злое официальное лицо у «человеческого» понимания.

– Следующий поход как выглядел?

– Мне позвонили, сказали, что вот Вы давали сообщение на пейджер Лужкову. Мы Вас приглашаем на разговор к исполнительному инспектору. Ну, я пришла. Меня занесли в компьютер, записали все данные. Предложили оставить заявление с просьбой записаться на прием к начальнику МВД, который должен принимать там же в мэрии. Я стала писать заявление под диктовку инспектора. Она мне диктовала по слогам: «За-я-вле-ни-е. От Ма-рко-вой...»

Я ей в конце концов сказала: «Извините, я вообще-то могу и не по слогам...» После чего она стала так тараторить, что я ничего не смогла записать толком. А вдобавок по-хамски меня выставила.

После чего я подалась к Кудинову. Это наш куратор, который сидит в Комитете Соцзащиты в Серебряном переулке. Сказала, что хочу проситься в ДНП «Люблино» на проживание. У нас семья. Ну, конечно, он предложил, чтобы мы жили на общих основаниях. Я просила одну комнату на всех. Ведь у нас – СЕМЬЯ! А жили мы у родного моего брата в коммунальной квартире. Сам он живет с соседом алкоголиком. Спустя два месяца я, опять вернулась к Кудинову Николаю Михайловичу, потому как теперь уже была согласна на любые условия. Меня избил сосед моего брата. Так избил, что я месяц не вставала. А избил, потому что был против того, что мы там живем. И тут я неожиданно для себя встретила такое понимание со стороны Николая Михайловича. Конечно, попросила прощение за предыдущее посещение. Он проникся. Позвонил сюда и попросил, чтобы нашей семье, в виде исключения, дали здесь комнату. И я пришла...

ВЕЧЕРНИЕ ХРОНИКИ

27 марта. 2002 г.

Это вид из окна – наши заводчане тянутся вереницей с ЗИЛа, с «шарика». За забором – лай собак... Все, сторож закрыл ворота. Посторонние не зайдут... Раньше ворота закрывал Александр Сергеевич. В каких теперь мирах витает его душа? Может быть, хотя бы там, на небе, не существует унижительного понятия «бомж»?..

Галя смотрит в окно. Голос ее негодуяще подрагивает:

– Кто придумал это слово, «БОМЖИ»? Ну, зачем? Ведь это не преступники. Это люди, потерявшие квартиры. Но не преступники же!

Что Я? 8 лет с семьей без квартиры. Я не запила, не сломалась. Сын пьет... Дочь одна с ребенком на руках осталась. Молодая, красивая. И... одна.

Такое отношение общества. Несправедливо. Больно. Чем я провинилась перед этой жизнью? Да я же подвиг совершаю. Ежедневно. Подвиг, что остаюсь человеком... А чем лучше те, кто живут в своих квартирах и так же, как уличные бомжи, а то и еще хуже, пьют...

Галя смотрит на медленно передвигающегося человека. Он идет по дворовой дорожке, еле-еле семеня...

– Гридасов все ноги пропил...

– Завтра в наркологию отправим. Пусть полечится, – вздыхает Анна.

– Нет, только глянь на него. В пальто, в ботинках. И... без брюк... Ноги-то голые совсем...

– Девчонки, а почему бы нам в храм не сходить? – говорит Галина.

– Грешные мы, что ли? Нехорошо. Храм рядом, а не ходим...

– Так это ж, – говорю, – мужской монастырь...

...Монастырь, будто услышал, что о нем в доме далеко напротив вспомнили. Сначала нежным светом зарделся... А потом вспыхнул пунцово, засиял...

Маленькая передышка. Галина сейчас перейдет двор и окажется в своем гостиничном номере, я буду готовить вечер встречи: «Реальность. Любить или ненавидеть?» Скоро пастор из Ассоциации Духовного Возрождения приедет... А Аннушке нашей предстоит еще на все непредвиденные ситуации откликаться. Всегда может что-то случиться... И без Аннушки – никак.

«Гудит босяцкая Перерва...» – Так написал наш поэт Евгений Ткачов.

По-разному гудит. Когда громко, когда неслышно. Когда тихим всхлипом, когда беззвучным воплем в душе... Или просто гудит.

МЫСЛИ ВСЛУХ

(о проживающих)

Вообще-то нормальному человеку попасть в такое место, где воедино соединяются и психушка, и зона, и наркологический диспансер – это что-то вроде высшей меры наказания. Правда, непонятно, за что?

АНГЛИЙСКИЕ ПРИНЦЫ

...Вообще-то утро началось необычно. У нас, знаете, английские принцы живут, Бен-Ладаны. Вот встречаются они мне, эти Бен-Ла-даны. Один – в красной шапочке, другой – в синей... Один – помоложе, другой – постарше. Один с мусорным баком, другой с метелкой... Один брат, другой отчим. Похожи друг на друга... Говорят, что их клонировали. Одному сказали, что ты будешь отчимом, а другому, что ты будешь братом. Так они теперь, английские подданные, и метут дворы с этими запрограммированными о себе представлениями...

Но и это еще не все. Младший Бен-Ладан поделился со мной сокровенной тайной. У него мама, оказывается, Английская королева. Но трудно сейчас в Англию вернуться, потому что часть Англии в Ирландию переехала, и он не знает теперь, где свою маму искать.

ПЕТУХИ НА ЯБЛОНЕ

В гостиничной курилке с интересным Санта-Клаусом общаюсь. Хороший такой Санта-Клаус, адаптированный под нашу бомжовскую реальность. Владимир Иванович кричит на кого-нибудь в политическом споре о том, что ненавидит буржуев, что сам он за Советы без коммунистов, а глаза такие добрые-добрые. Я из него всегда что-нибудь светлое вытягиваю. Вот недавно яблоню с петухами вытянула.

Санта-Клаус – Жан-Парижан всем рассказывает, как он в Париж собирается уехать. Все мечту его жестоко обрубает, говорят:

– Зачем ты там, в Париже, нужен?

А я нет, мечту не убиваю. Спрашиваю участливо:

– А какое Вы, Владимир Иванович, самое светлое воспоминание в Париж с собой возьмете?

Он мечтательно так подбородок ручкой поджал:

– В Калужской области домик у меня был. Яблоня под окном. А у меня 30 петухов в сарае. И ведь не любят в сарае петухи эти сидеть.

Как рассвет, так все на яблоню взлетают. Рассядутся там, на яблоне, поют... Хорошо...

СЛУХИ О ДОМЕ

Гостиница оживилась. Все стали говорить, что здесь неподалеку, рядом с метро, ремонтируется дом, и скоро его передадут бездомным людям. Конечно, в первую очередь квартиры дадут тем, кто не нарушает режима, хорошо работает...

Вдруг светлое оживление перешло в разочарование и даже возмущение:

Бездомных куда поселять не будут, потому что, якобы, жильцы окрестных домов категорически против соседства с «бомжами». И телевидение показало, как они возмущены.

Тогда мы с Галей решили не молчать. Написали и разослали по электронной почте это письмо.

«ДОМА РАЗРУШИМ, БОМЖЕЙ ЗАБЬЕМ!» (открытое письмо работникам СМИ)

ДНП «ЛЮБЛИНО»

... Недавно у нас побывало телевидение. Поспрашивали о наших судьбах, поговорили. Вроде все миролюбиво. С пониманием.

И вдруг – «подарок». Программа «Вести» показывает душераздирающий эпизод с возмущенными гражданами, готовыми «взорвать», «разгромить», «закидать», «поубивать»... Думаете кого?

Гражданка в экране кричит:

– Я бы всех этих «бомжей» убила, расстреляла!..

Бомжей, значит, поубивать надо...

А детишки, цивилизованные малолетки из благополучных семей, стекла в доме для этих самых «бомжей» бьют.

Громят все, что там уже для «новоселов» построили, крушат с чувством праведности. А взрослые рядом стоят, смотрят на весь этот справедливый суд... И ни слова в защиту...

Ну, да. Из тех же СМИ мы знаем, что сейчас и суды, и прокуратуры, и милиция, и даже сами журналисты беспредельщиков боятся. Что-то не привлекают к суду, не возбуждают уголовных дел относительно мошенников и бандитов, откровенно отнявших у людей квартиры, и с помощью тех же нотариальных контор и прочих законодательных инстанций сделавших нас, нормальных людей, «БОМЖАМИ».

Но... Пестрят заголовками газеты: «Зеленый змей довел...», «Безопасный двор – безопасный город»... От «бомжей» дворы очистить надо... Не от бандитов...

Вот и программа «Вести» туда же. Ату, незащищенных и доверчивых! Ату, честных и не умеющих обманывать! Ату, тех, кто не научился подличать и потому не подозревает, что за добро и понимание им отплатят. Отплатят по большому счету! Или просто выкинут на улицу. А за попытки судиться и искать справедливости – просто выкинут из жизни.

И никакая милиция, и никакая прокуратура не станут возбуждать уголовное дело против профессиональных мошенников.

Обманули, значит – РАЗВЕЛИ. Ну и что – ЛОХА РАЗВЕЛИ... Значит, молодцы. Умные ребята. Умеют жить. Это новые нравственные устои общества. Новая терминология...

Объявляя тотальную борьбу с «бомжами», Вы создаете видимость, что не знаете истинное происхождение «бомжей». Не знаете, с кем на самом деле следует бороться. Вы подтверждаете уже созданный имидж опустившегося, спившегося, помоечного человека... А Вы зайдите в наши комнаты! Пригласите к нам ту женщину, провозглашающую с экрана свою

ненависть к бомжам. Пусть посмотрит, какую чистоту и порядок соблюдают эти некогда брошенные на улицу люди. Как возрождаются они, как работают. Как приятно общаться с ними. Да та женщина сама в гости к ним приходиться будет, с пирогами. В русских людях изначально присутствуют и доброта и сострадание. Оттого и беды нерасчетливых «россиян», попавших в сценарные планы квартирных «профи».

«Бомжи». Когда заросли их проломленные квартирными риэлторами черепа, когда исчезли следы рабства, они перестали отличаться от тех, кто живет в своих квартирах. Разве что человеческое отношение научились ценить больше... Ведь они не за бутылку теряли квартиры, они боролись с результатами обмана. Боролись в одиночку...

Да, сначала их приводили сюда с помоек, безногих, с трофическими язвами, педикулезом... Они падали духом, не в силах победить эту беспощадную систему не действующих законов. Их спасали не суды, не прокуратура, не журналисты. Их спасали сотрудники ДНП «Люблино». Здесь от них не отворачивались брезгливо, обмывая и перевязывая гниющие раны. Их одевали, кормили, помогали восстанавливаться в жизни, трудоустраивали, переселяли в лучшие условия...

И что же сделали Вы своим эпатажным телесюжетом? Зачем Вы сделали это?

Вы поступили хуже, чем те квартирные мошенники, изначально хитростью и обманом лишившие людей всего. Они-то для личной наживы, а Вы? Почему Вы посчитали себя вправе ЛИШИТЬ еще раз? Зачем?

И тем более до надрыва, до сепсиса в душе, нам, «добываемым» еще и прессой, «БОМЖАМ», больно сознавать, что и Вы, сотрудники государственного Российского телевизионного канала так запросто, со спокойной совестью, с чувством отлично выполненного долга формируете общественное мнение против попавших в беду людей, убиваете последнюю мечту – ИМЕТЬ СВОЙ ДОМ.

Но уверены ли Вы, что «чаша сия» минует Вас? В Доме Ночного Пребывания «Люблино» живут и... журналисты, и писатели, и поэты, и ученые, и художники, и актеры... и просто работяги, нормальные люди. Вот наши краткие реноме. Возьмите, постройте нас около того дома, который «расстреливали» камнями, позовите ту возмущенную женщину, тех воинствующих малолеток, спецназ для подкрепления вызовите. И давайте – камнями, палками, гранатами, танками. И включите телекамеры! Пора очищать наше общество от пережитков доброты и доверчивости. Ату, нас!

Но не спешите принимать сторону тех, кто накопил свои капиталы за счет ограбленных людей, не спешите отмывать их «совесть». Задумайтесь лучше над строчками такого же бездомного поэта-бомжа, Евгения Ткачева.

На земле никто из нас не вечен.
Мы все бродяги, гости бытия,
И наш удел кометами прочерчен
Вселенского бес-смер-тия...

ВЕРА ЛИНЬКОВА

Поэт. Член Союза Писателей России

Автор и ведущая передачи «Поверженные короли» на радио «России». БОМЖ с московской пропиской.

ЕВГЕНИЙ ТКАЧОВ

Поэт, в 83-ем году был привлечен за тунеядство. Суд обвинил его в причастности к группировке поэта Высоцкого. На полгода посадили в тюрьму. Потом выпустили, но квартиры уже лишили...

ТАРАС ДОМБРОВСКИЙ

Человек высокообразованный, кандидат наук. В результате разлада с семьей много лет скитался по монастырям, приобрел глубокие знания жизни. В ДНИ ведет кабинет психологической разгрузки

АННА БАБИЕВА

Педагог с многолетним стажем, чуткий, отзывчивый человек, переселенка из Казахстана, заведующая приютом.

ГАЛИНА МАРКОВА

Опытный специалист в издательском делопроизводстве, кадровик. В 94-ом году, в результате неотработанных законов в системе бизнеса вместе со всей своей семьей осталась без жилья.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВА

В прошлом чемпионка Союза по конькобежному спорту. 40 лет трудового стажа. В результате обмана потеряла квартиру. Живет с чувством обиды и покинутости.

НАТАЛЬЯ и НИКОЛАЙ БОБРОВЫ

Супруги, 40 лет прожившие вместе. У них убили дочь. Жестоко обманули с квартирой. Долгое время находились в рабстве у цыган. Изувеченные топором и выброшенные на улицу умирать, они все-таки добрались до спасительной ночлежки...

ТАТЬЯНА ШМЫТКОВА

Некогда счастливая, любимая мужем женщина. После долгих уговоров риэлторов переехать из Московской квартиры в подмосковный коттедж, и переехав, наконец, она пережила неожиданную внезапную смерть мужа, а вместо своего коттеджа оказалась в рабстве у цыган, откуда сбежала почти через три года издевательств и рабского труда.

ЛЕОНИД ИВАНОВ

Журналист, бывший сотрудник газеты «Аргументы и факты». В результате мошеннических действий лишился квартиры.

ЕКАТЕРИНА ШУТКИНА

Высшее музыкальное образование, из интеллигентной семьи, поет красиво. После смерти матери, сестра уговорила поделить квартиру. Вместо своей доли Екатерина получила проломленную голову и частично лишилась зрения.

Список можно продолжать долго. Всего в ДНП «Люблино» проживает 400 с лишним человек.

Разослав по разным адресам открытое письмо СМИ, я позвонила в Дом Журналистов. Рассказала о факте телевизионной передачи, где журналисты формируют у населения негативное мнение относительно бездомных людей, и попросила дать нам возможность провести пресс-конференцию в святая святых масс-медиа.

Нам разрешили. Конференция была назначена на 12 апреля. Также по электронной почте мы разослали сообщение о времени и месте проведения конференции.

ВЕЧЕРНИЕ ХРОНИКИ

29 марта.

...Пятница. Кончается последняя неделя месяца. Оформление документов, фотографий.

Простив очередного пьяницу, постращав для профилактики и помиловав, Анна облокотилась на подоконник:

– Скоро «зиловцы» с работы пойдут. Получка у них сегодня...

...Галя тоже подошла к окну. Окно – это наша самая любимая картина. Вечернее солнце, тепло. Провинившиеся «бомжи» на завалинке. Не уходят со двора, греются на солнышке, смотрят в окна, наверно, тоже ждут, когда их простят...

Галина брови сводит. Это у нее такое суровое отношение к сыну:

– Сын опять пьет... Сережку мою золотую продал.

– Да брось ты, – говорю, – сережку. За будущие несчастья заплатила. Как что потеряешь, так значит, заплатила за что-то...

– Ты бы, Галина, лучше мужа своего потеряла, – смеется Анна, – Ну, развелась бы... Он сам по себе, ты сама по себе.

Глядишь, в жизни устроились бы...

...Тут Динка, собачка наша прирученная, праведным лаем занялась. Не любит, видно, Динка, когда кто-то кого-то бросает. С лаем по этажам и – на улицу. А по двору – оборванный кто-то, с чемоданом...

– Вот кто-то к нам и пришел, – вздыхает Анна. – Так посмотришь, все подружки одинокие спрашивают, где мужики? Да вон же в мусорке копаются! Это с виду они такие непривлекательные, «бомж» да

«бомж», а если его от мусорки оттянуть, с душой к нему подойти, отмыть, прикормить, приодеть – вполне мужчина! А уж наши благообразные! И вовсе красавцы, когда при параде и при деле...

... Нет, вообще-то мы не такие и трепя пустого не любим. Это просто пятница. Солнце. На улице почти 10 градусов тепла.

Галя собирается на дачу, Анна к себе в подмосковную квартиру. А я письма в облака писать буду.

9 апреля.

Скоро пресс-конференция. «Времечко» приехало. Но не по поводу пресс-конференции. Об этом они от нас узнали. Снимали нас и наших собак... Насчет конференции сказали, что не знают, приедут или нет...

10 апреля.

Разосланы письма в СМИ с приглашением на пресс-конференцию в Дом Журналистов. Сегодня приехали Алена и Сюзан с Датского радио. Отнеслись с пониманием, разговаривали душевно.

11 апреля.

Снова приехало «Времечко» видеоряд доснять. Сказали, что сюжет 12 апреля выйдет. Как раз в день конференции;

В 10 вечера приехал Дима Кафанов из «Московского комсомольца» вместе со своим фотокорреспондентом. Их удивил сам факт, что «бомжи» проводят пресс-конференцию в святая святых журналистской братии... Дима произвел на нас приятное впечатление. Интересно, сумеет ли он отразить происходящее, есть ли в глубине его сознания человеческие слова. Самые человеческие, чтобы защитить бездомных людей... Провожая поздних гостей, глядя на то, как стремительно запрыгнули они в машину вроде как с чувством удовлетворения от сделанного, я подумала, вот молодцы ребята из «Московского комсомольца»... Тонущим людям свойственно хвататься за любую соломинку и верить, что она поможет... Правда, иногда соломинка оказывается не только тонкая, но и гнилая... Но об этом ведь не думаешь...

12 апреля.

В двенадцать тридцать надо быть в Доме Журналистов. Что у Аннушки, что у меня, что у Галины – измученные лица. Почему-то мы не могли спать... Конечно, что скрывать, мы переживали, придут ли журналисты... А если придут, поддержат нас или цинично отвернутся?..

Зал полон. Дима Кафанов тоже приехал убедиться, состоится ли эта конференция... Увидев его, я опять обрадовалась: молодец Дима! Даже на душе как-то поспокойнее стало... Дима... Первый, кто нас поддержал... Такой человек, уж точно, на подлянку не способен...

Я открыла конференцию. Рассказала о телевизионном сюжете в программе «Вести» и о том, что нас возмутило. Потом наш директор Константин Михайлович Казанцев рассказал о том, что такое ДНП «Люблино» и какие люди живут там на самом деле, и какая работа проводится с ними...

А потом на происхождение этого телесюжета пролил свет заместитель начальника отдела стационарных учреждений Комитета Социальной Защиты населения Москвы Андрей Владимирович Пентюхов. Он рассказал собравшимся о том, как снимался этот сюжет. Оказывается, телевизионщики специально позвали малолеток и попросили их бить стекла в этих домах в Люблино!!! Специально для съемок бить стекла в домах, предназначенных для бездомных людей!!!

Кто-то из журналистов выступил с предложением о созыве комиссии по нравственности. И я тоже подумала, интересно, а люблинская милиция будет возбуждать уголовное дело по факту хулиганства против этих малолеток? Или районная прокуратура будет возбуждать уголовное дело по факту спровоцированного преступления?.. Эта мысль пронеслась в моей голове мгновенно и так же мгновенно улетела. НИКТО НИЧЕГО НЕ БУДЕТ! Телевизион-

щики выполняли чей-то социальный заказ. Поэтому вопрос о созыве комиссии по нравственности утонул в других более злободневных вопросах. Например, почему мы не пригласили на конференцию милицию? Не знаю, нам "бомжам" как-то не подумалось, что милиция станет нас защищать... На журналистов надеялись. А на милицию... У каждого из нас по этому поводу скорб своих нелепых воспоминаний.

Спасибо Алексею Никифорову, представляющему организацию «Врачи без границ». Он, действительно, как мог, защищал бездомных людей. Спасибо Марине Перминовой – координатору Программы «Помощь бездомным» из Католического благотворительного центра «Каритас». Спасибо всем, кто пришли. Спасибо тем журналистам, которые проявили внимание к попавшим в беду людям. А дальше – дело их совести: продолжать эту нежданно нахлынувшую волну «Бей бомжей, спасай бандитов!» – или повернуть эту волну в русло человеческого сострадания и реальной помощи... Это дело их профессиональной и человеческой совести...

К месту сказать, что ни представителей ГТРКа, ни представителей других телевизионных каналов на конференции не было. Они не посчитали нужным осветить наш скромный протест против безнравственности, подлости и лжи. Не пожелали или посчитали ниже своего достоинства разбираться в ситуации с «бомжами». А скорей всего, у них были другие, куда более важные социальные заказы. А потом, всем известно, чего нет на экране телевизора, того нет в природе. Нет в природе островка

ДНП «Люблино» с человеческими судьбами, пораженными болью и страданием в силу несправедливости и беззакония, творящихся в нашей жизни... Творящихся с молчаливого согласия равнодушных... Равнодушных, с единственной верой в зеленый шум доллара... Шум, в котором неслышно гаснут человеческие души... Шум, в котором напором несется торжество пресыщенных циников: «БЕЙ БОМЖЕЙ, СПАСАЙ БАНДИТОВ!»

ВЕЧЕР. Напрасно мы ждали ранее снятого сюжета о нас в программе «Времечко»...

13 апреля.

Аннушка уехала в свою комнату в коммуналке. Галя уехала на дачу. Я тоже весь день провела в Подмоскowie у Аношиных: Любочке и её мужа скульптора Александра. Растворившись в солнечных полянах, бегала босиком по перелескам и косограм... Собрала первый в этом году букетик медуницы. Такие нежные голубые, сиреневые и розовые цветы... Я была в гостях у единственно верных друзей, для которых совсем не имеет значения, с квартирой я или без квартиры... Ведь оттого, что мошенники лишили меня права на собственность, я не стала ни хуже, ни лучше. Для них я все такая же – писатель, поэт, журналист, педагог, художник, просто дорогой человек...

14 апреля.

... Возвращаюсь домой. В ДНП «Люблино». Ставлю на Аннушкин стол букетик медуницы...

На столе газета. Первая публикация, связанная с нашей конференцией. Лицо Аннушки молчаливое и грустное: «Читай!»

МК 13 апреля 2002 года № 82

«МЫ НЕ РАБЫ – МЫ БОМЖИ!»

Пишет, что бомжи теперь все суды повестками закидают. Будто не в курсе был, что ни один бездомный до суда просто не дойдет. Что только по сделкам с недвижимостью за последний год в Москве без вести пропало 150 тысяч человек. Без вести!

(У меня нет возможности и дальше сканировать книжные страницы. Приведу последнюю)

Я опять уезжаю из Карелии. Не знаю, зачем и куда. Где и кому я пригожусь без собственного дома, украшенного теплом и светом моего мира. Но как бы ни испытывала меня жизнь, я все равно буду верить, что ОДНАЖДЫ Девочка-Эхо на папоротнике-олене пролетит по рукам-дорогам... Мой человек из Солнцпада спокойно уснет под корнями закатного дерева. А дятел будет пробивать в сосне свой тоннель для нового солнца...

На хрустальной горе аист совет гнездо из радуги... Легкий солнечный ветер сорвет лохмотья с бездомных и нищих бродяг. Он укроет их оголенные плечи паланкинами цветов. А ночью могущественный волшебник зажжет гигантскую свечу на городской площади. И мы войдем в этот сияющий город по воздушным мостам. В честь нашего возвращения будут звенеть хрустальные вазы и петь флейты. Перед каждым беспомощным и слабым остановится сильный и справедливый. И тогда, пройдя по лестнице мгновений, каждый щелкнет выключателем в своей комнате! С книжных полок будут смотреть на нас любимые книги. Весь труд души, накопленный за жизнь, вернется... Семья соберется в зеркальной гостиной... И кто-то невидимый, из глубины старого зеркала, вдруг попросит у нас прощенья за страшный сон о бомжах и ночлежках.

А иначе, зачем жить? Зачем жить в стране нелюдей и людоедоев?

В одной из моих уничтоженных мошенниками рукописей романа была такая концовка:

«Когда хоть один обессиливший бродяга ляжет умирать в сухую порыжевшую траву, в стране отменят праздники, в каждом городе, как набат, зазвонят колокола. Человек остался без дома. Человек, живущий среди нас. Такого не может быть! Люди отменят пиршества, застолья, важные дела. Никто не позволит себе смеяться, пока в стране есть хоть один бездомный. Никто не позволит себе развлекаться и радоваться, пока всей человеческой общиной бездомному не построят дом...»

А теперь, отвлечемся от литературы:

Услышьте, пресытившиеся и оглохшие! Услышьте правители и власть имущие! Программу по социальной защите нельзя писать на ягодицах приборчиком для «тату». Ее надо писать подъемными кранами и руками строителей. Писать новостройками на улицах Москвы и других городов России. И тех, у кого отняли самое дорогое – возможность где-то жить – обеспечивать жильем ВНЕ ВСЯКОЙ ОЧЕРЕДИ! Ибо на крещение и на погребенье дважды в очередь не встают.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

И все-таки, после нашей пресс-конференции «масс-медиа» склонилось в сторону человеческого акцента. Журналисты, приходящие в ночлежку, стали интересоваться не только бывшими заключенными, алкоголиками, проститутками, но и нормальными людьми, попавшими в беду в силу несовершенства государственных законов.

Лично мне в ночлежке уже не позволят жить. Но после того, как я издам эту книгу и разошлю её по разным инстанциям, в один из осенних дней к воротам ДНП «Люблино» приедет 15 правительственных машин. Что-то начнёт меняться там, но уже без меня. А мне предстоит еще два с лишним года в одиночку бороться за свои права. Мужа, как единственного свидетеля нашего размена, убьют за неделю до суда. Будет твориться много несправедливостей. Я узнаю еще много страшных вещей о том, как уничтожают за квартиры. По ночам я буду просто брести по улицам, а с открытием метро – спать на кольцевой. А потом идти на очные ставки с моими мошенниками, бандитами и им сочувствующим госструктурам. Но я все выдержу. В июне 2004-ого состоится последний суд, где я сумею заставить всех поехать в Тверской банк, положить на мой счет 50 тысяч долларов. И только потом подписать отказ по уголовному делу. Пусть Бог судит, а не я. Тут же поеду на Ленинградский вокзал.

В 2008 г. по моей книге киностудия «Русь» снимет полнометражный документальный фильм с ошибками. Ничего страшного. Главное, у меня, моей дочери и внучки теперь, пусть не в Москве, но есть крыша над головой. Конечно, уже не вернуть книг, рукописей, картин –

всего потерянного. Но все-таки мы живы и в своем доме. Правда, адаптироваться в социуме после всего пережитого получается сложно.

Никакая провинция не сравнится с возможностями реализации личности в Москве. «Денег нет. Работы нет». Детская литературная газета «Соломинка», которую я создала на новом месте, дает возможность только заплатить за квартиру. У моего друга, карельского писателя Григория Салтупа есть такая книга «Выстрел милосердия». Теперь я беру ружье своего друга в летнем тире на набережной Онего и делаю свой выстрел в общество «немилосердия» и расстреливаю шарики на воде, как собственное дыхание...

Жжет меня сокрушенье за весь этот
сгорбленный мир,
Эту выставку глаз,
магазин уценённых одежд,
Пятаков, из жестяного днища устроивших пир,
Эту очередь занятых мест...
Чем затронуть вместилище всех человеческих благ?
Чем разбросанность всех миллиардов ненужных
спасти?
Если сам человек стёрся, словно давнишний негодный пятак.
Как до жизни иной
Этот страшный пятак донести?..

Я никогда не смирюсь с тем, как разрушали мою жизнь. В моих снах будут плакать мои уничтоженные рукописи и картины, всё – ради чего я жила и не спешила к славе.

Я буду ползти долгой радугой по сыпучему песку. На подъеме меня будут перемалывать мельницы и превращать в солнечную пыль, но я все равно не упаду и не стану названием фильма обо мне «Упасть и подняться». Вся наша жизнь – фильм. Но главное в этом метафизическом фильме – НЕ УПАСТЬ!

Вера Линькова